

Сергей Николаевич Борисенко

Кому на МФ жить хорошо!

исповедь последнего романтика

Сергей Борисенко

Кому на МФ жить хорошо

«Автор»

2017

Борисенко С. Н.

Кому на МФ жить хорошо / С. Н. Борисенко — «Автор», 2017

Книга посвящена жизни томского студенчества середина семидесятых годов XX-го века. То, что Вы прочтете в книге не является хроникой событий, иначе в тексте должны появиться даты, время, выдержана точная хронология... И, тем не менее, ни одно из описанных событий не является вымыслом автора, все они происходили с героями повествования. Более того, все имена и фамилии участников событий не вымышлены и они живут рядом с Вами. Но, поскольку, всё описанное в книге давно прошло, а жизнь героев повествования у всех сложилась, то, надеюсь, друзья воспримут описанное, как добрый привет из студенческой юности.

© Борисенко С. Н., 2017

© Автор, 2017

Сергей Борисенко

Кому на МФ жить хорошо

Глава 1

Жизнь на волоске.

Началось всё именно тогда, когда у большинства людей и должны начинаться все серьёзные изменения в жизни... Окончание школы.

Год был, прямо скажем, нестандартным, замечательным был год!

В Германии прошли Олимпийские игры.

Советский Союз впервые посетил Американский президент.

В кинотеатрах был ажиотаж от желающих посмотреть фантастический фильм «Солярис».

Весь народ напевал песню Ободзинского «Эти глаза напротив» и насвистывал мелодию из «Крестного отца».

Все как один стремились встретить пятидесятилетний юбилей родного государства.

Ночи напролет смотрели по черно-белому «ящику» великую битву народов – хоккейную баталию: серию матчей Канада – СССР. Причем за хоккей болели все: и мужчины, и женщины, и старики, и дети, и те, кто знает, что такое хоккей, и те, кто понятия в нем ни малейшего не имели! Но после каждой победы выходили на целые демонстрации в едином порыве. Примерно так же, как когда-то вся страна приветствовала полет в космос Ю. А. Гагарина. Только все эти демонстрации происходили ночью, потому что играли в Канаде, а у нас с Канадой практически полсуток разница во времени.

Ровно в таком же едином порыве, все как один, изгнали из страны двух великих представителей своего отечества: А. Солженицына и И. Бродского.

Всё происходило по известному, ранее отработанному сценарию: «Лично я не читал, но я осуждаю!..»

Американцы, наконец-то, прекратили воевать с ничем не повинными вьетнамцами, совершили свой последний полет к Луне...

На танцплощадках твист был уверенно вытеснен шейком. «Клеши» с клиньями и бубенчиками превратились в более скромные брюки, расклешенные от бедра у ребят, а девочки дефилировали, обнажив свои красивые ножки «до самой розетки», при этом, надо сказать, что самые модные уже перебрались в «макси»...

Именно в такой социально-политической обстановке мы закончили учиться в своих средних школах и дружно, не сговариваясь, устремились в старинный Томск, чтобы поступать учиться в самый большой и известный в стране политехнический институт.

В это время в институте обучалось примерно восемнадцать тысяч студентов, из которых, около пяти тысяч на Механическом факультете.

В этот же год старейший факультет нашего института решил поменять своё старое, примелькавшееся всем, «не модное» название «Механического» на более современное, звучное и модное «Машиностроительный».

Но многолетняя привычка сказывалась ещё очень долго и нас, студентов этого факультета, постоянно называли либо «машиностроители», либо «механики».

И принципиальной разницы в этом никогда не было, потому что в дипломах, которые мы в конце – концов получили по окончании учебы, было написано, что закончили машиностроительный факультет и получили квалификацию «инженер-механик». Никакой принципиальной разницы не было и для всех остальных студентов политеха, которые нас между собой называли «болтами», а наших девушек «гайками»

Не оставались в стороне и другие факультеты. У каждого было свое не обидное прозвище. Так химики были «колбами» и «пробирками», теплоэнергетики – «котлами», электроэнергетики –

«утюгами», геологи – «мешочниками», электрофизики были «лампочками». И только у будущих физикотехников, чьи выпускники точно уходили работать в атомную энергетику или такую же оборонку, было обидное, но произносимое с огромным пиететом, прозвище – «лысаны» по вполне серьезной причине.

В процессе обучения они проводили свои лабораторные на учебном ядерном реакторе, который был «учебный» только по предназначению, а на самом деле реактор как реактор, в общем, будь здоров!..

Да и работать им в последствии предстояло на таких же производствах. Так что на третьем курсе им предлагали создавать семьи и рожать детей, пока это возможно.

В лоно этого старинного ВУЗа ежегодно поступает сотни ребят, и, спустя пять лет, выходят такими специалистами, от услуг которых не отказывалось ни одно промышленное предприятие страны.

Осознание величия заведения, в которое мы все попали учиться, пришло со временем, а пока предстояла тяжелая борьба за право учиться, и борьба за выживание в студенческой среде.

Вступительные экзамены при этом были только первым незначительным этапом.

Нынешние абитуриенты не вкушают столь экзотическое блюдо, как вступительные экзамены.

Ну, это же совсем неинтересно: окончил школу, там тебе прописали уровень твоих знаний в виде оценок за ЕГЭ и с этими данными иди и выбирай то заведение, в которое тебя примут.

В прежние времена все приезжали равными: и хорошисты, и троечники, только круглым отличникам была поблажка. Те должны были на первом экзамене подтвердить свой высокий уровень знаний, сдав его на «отлично» и тогда для них сразу открывалась дверь ВУЗа. При ином исходе все, включая отличников, шли с

равными правами на поступление.

На письменном экзамене по математике сразу отсеивалось около трети поступающих. Следующий «драконовский» экзамен был «математика устно», на котором проигрывало ещё примерно треть из оставшихся, третьим экзаменом, дававшим вступительные баллы, был физика. Уже после физики оставалось такое количество абитуриентов, которое, фактически, образовывало первый курс.

Правда, ещё был письменный экзамен по литературе, то есть сочинение, но там ходили проверяющие, которые отводили себе роль, скорее, помогающих. Они прохаживались между рядами, смотрели, чтобы никто не списывал, но при этом, пристроившись за плечами у экзаменуемого, быстро пробегали глазами по тексту и тихонько говорили:

– Достаточно! Тема раскрыта! И посмотрите внимательно пятую, восьмую и семнадцатую строки. И сдавайте своё сочинение!

Значит, в этих местах находились ошибки. В такой ситуации найти ошибки значительно легче. После исправления сочинение сдавалось на заключение комиссии.

На следующий день результаты вывешивались на всеобщее обозрение. И было удивительно, что при таком подходе находились люди, которые умудрялись «завалить» и этот экзамен. Ну что поделаешь? Стране были нужны специалисты грамотные не только профессионально.

Проходило ещё два-три дня ожидания и вот они – долгожданные списки студентов – первокурсников, в которых каждый мечтал себя увидеть!

Конец августа, всё страшное, что было запланировано на это лето, осталось позади. В приёмной комиссии новоявленных первокурсников собрал деканат факультета, распреде-

лил по учебным группам, представил старост, кураторов и объявил день отправки на сельхоз работы.

Странно, наверное, нынешней молодежи об этом подумать, да и не понятно: зачем это куда-то на село ехать и что-то там делать, да и за что? Сколько заплатят за работу?

И невдомек им, что это именно то место, где образовывались компании будущих друзей, где зарождались отношения, которым тянуться пять лет, а может быть и всю жизнь, где появлялись первые взаимные симпатии.

А ведь именно в трудовом коллективе человек проявляет всего себя, свою сущность: там видно простака и хитреца, трудягу и лодыря, способного прийти к товарищу на помощь в трудную минуту или ретироваться от опасности.

Проживать в протекающем хлеву, спать на тюфяках, набитых соломой, мокнуть под осенними дождями и встретить первый снег в летней одежде... Ходить месяц в промокшей обуви, но при этом даже не простудиться... И всё это время помогать убирать урожай, собирать траву на силос, ремонтировать коровники или строить новую школы, дома, кирпичный завод...

Питаться тем, что умудрились смастерить из продуктов, жившие под мамиными крыльшками и не умеющие ничего готовить, девочки. Соскребать с сапог грязь только потому, что уже невозможно поднять ногу... и работать, работать, работать... Целый месяц! Потому что институт обязан помочь государству в лице совхозов, так как эти совхозы будут зимой кормить город и институт. А мы должны помочь в этом деле своему институту, поскольку он решил принять нас в свои ряды.

Через месяц сдружившиеся, уставшие, но окрепшие, повеселевшие и, что самое главное, соскучившиеся по учебе, мы прибыли в Томск. Ввалились в общежитие, а там ещё ничего не готово нас принять: в окнах много рам с разбитыми стеклами, отопление отключено, горячую воду ещё не пустили после летнего ремонта теплотрасс.

Студсовет распределил нас по комнатам, но матрасы, одеяла, постельное бельё получить не у кого, так как сейчас суббота вечер, а комендант и кастаньянша будут работать только в понедельник с утра, а через день первое занятие.

В связи с сельхоз работами у первокурсников «Первое сентября» традиционно происходило первого октября.

Итак, первое октября, первое занятие – лекция по начертательной геометрии.

Сходив в баню и отмыв месячную грязь с тела, найдя в чемоданах с вещами ещё сложенными мамами что-то чистое и не очень мятое, сплошным нескончаемым потоком шириной во всю улицу мы, первокурсники, дружно двинулись на занятия.

Откуда мы все узнали об этой лекции, какой учебный корпус и номер аудитории, даже не берусь представить, так, как только там нам рассказали где искать расписание, что такое четная и нечетная неделя, с какого времени начинаются занятия... Думаю, что собрали через старост.

В начале семидесятых годов в Томске ещё существовала трамвайная линия, которая соединяла площадь Южную с Центром города. И проходил маршрут так, что пересекал улицу Усова, по которой по утрам, в одно и то же время огромная масса студентов бежала на занятия. В этом месте сконцентрировано располагается много учебных корпусов института, и поток студентов шел непрерывно в течении нескольких десятков минут. Бедные пассажиры были вынуждены всё это время отсиживаться в стоящем трамвае и ждать завершения этого потока, потому что традиционно никто и не думал пропускать идущий транспорт. Начало студенческой жизни это, по большому счёту, испытание на прочность и зрелость. Так, кто, поступив в институт, сразу начинал упиваться личной свободой и бесконтрольностью со стороны

родителей или просто взрослых – не дотягивали до первой сессии.

Беда, так же, зачастую, подстерегала и школьных отличников. Они «по инерции» заданной ещё родителями в школе учились «на отлично» первый семестр, во втором у них появлялись четверки, в третьем – «уды», а по окончании второго курса многие отсе-

ивались. Причиной при этом было отсутствие «направляющего пинка» со стороны родителей.

Очень живучими оказывались студенты из числа школьных троечников, но тех, которые в школе могли запросто наряду с пятёрками получить тройку.

Эти ребята вполне усваивали школьный материал, но помимо учебы у них была масса всевозможных увлечений. Они посещали авиамодельные, автомодельные, кораблестроительные, радиотехнические кружки, причем, все одновременно! Им было всё интересно!

Они же всегда посещали спортивные секции и тоже по несколько одновременно. Учить уроки на «отлично» им просто не хватало времени, зато они обладали очень широким кругозором, и они же постоянно отстаивали честь своей школы на предметных олимпиадах и спортивных соревнованиях.

Проживая свою жизнь в постоянном цейтноте, эти «троечники» выработали своеобразный иммунитет к учебе, обладая способностью по нескольким фразам уловить суть предмета и, благодаря своему широкому кругозору, наговорить ответ на любой вопрос любого предмета. Такая способность им очень пригодилась и для самостоятельного проживания, и для скорейшего приспособления к условиям обучения в институте. Умение быстро ориентироваться в любых предметах им помогла легче усваивать материал, зачастую сразу при прослушивании лекции. Большинство таких «троечников» доучились до получения диплома, а, начиная где-то с третьего курса, они, вообще, выдвигались на передовые позиции в учебе.

И все эти свои способности к выживанию в любых, самых трудных условиях, нередко приходилось демонстрировать при сдаче сессии.

* * *

Этот день предстоял не из лёгких!

В этот день мы сдавали экзамен по высшей математике. Конечно, это не Госэкзамен, но нам от этого не легче, потому что читали нам этот курс три семестра и в каждом сдавались экзамены. Но на этом экзамене заканчивалось изучение предмета. А посему в билеты включались вопросы с самой первой темы и до последней лекции.

За три семестра пройдено столько тем, столько законов и теорем изучено, что в голове они точно все перепутались. И, если решить любую задачу особой проблемы не представляло, то ответить теоретический вопрос сложно!

В данной ситуации каждый сам оценивает свои возможности. И, поэтому кто-то делает шпаргалки, а кто-то несёт с собой даже учебник в надежде что-то оттуда почерпнуть на экзамене.

Калдыров решил сделать шпаргалки по наиболее сложным вопросам в виде готового ответа, написанном на целом тетрадном листке.

Он пришил внутри пиджака носовой платок в виде кармана, листки с ответами пронумеровал, сделал на маленьком клочке бумаги каталог к своим шпаргалкам и так, во все оружие, прибыл на экзамен. В аудиторию мы зашли с ним вместе.

Аудитория оказалась большой, в таких, обычно, мы экзамены не сдавали. Обычно это происходило камерно. А тут аудитория человек на сто и мало того, с нами в другом конце этой же аудитории тоже экзамен по математике сдавала ещё одна группа,

даже не нашего факультета.

Экзаменаторы сидят в разных концах аудитории и своими взглядами «простреливают» её насквозь!

Мы с Николаем сидим за одной партой, готовимся к сдаче. Мне помощь его бумажек не потребовалась. Слава Богу! Сажу, пишу на листке ответы на теоретические вопросы, решаю выданные задачи...

Со стороны идет шёпотом просьба к Николаю помочь с ответом на теоретический вопрос. Тот глянул в свой каталог и без труда достал и аккуратно передал листок с ответом.

Сзади та же просьба...

Он смотрит в каталог, достает листок с ответом и вновь передает вопрошавшему...
Звучит новая просьба.

Коля вначале смотрит какой ему вопрос достался, чтобы не отдать ответ на свой вопрос, глядит в каталог, немного по соображав, он достаёт из кармана совершенно не то, что его просили.

Несколько растерявшись, он вновь лезет в карман, отсчитывает, как ему кажется, правильное количество листков и вновь достает ответ на совершенно другой вопрос. Вопрошающий его торопит, а Николай в растерянности! Он понял, что, выдернув правильно два первых листка, он нарушил порядок нумерации и как ему помочь товарищу, а, главное, где искать ответ на свой вопрос он не знает?!

В таком запале он вытаскивает один листок за другим, но не может найти необходимые. На парте около него скапливается недопустимо большое количество исписанных листков. Они могут в любой момент привлечь внимание экзаменаторов.

Николай пытается прятать листки, но аккуратно их сложить не представляется возможным, поэтому он запикивает их

скомканными в карманы пиджака. А сколько можно спрятать в карман скомканных тетрадных листков, не привлекая внимания к виду этих самых карманов? Ну два, ну три от силы! Всё! Если больше, то карманы будут сильно выделяться и привлекать внимание заинтересованных лиц.

Николай стал подсовывать мне ненужные листки, я тоже их стал прятать в карманы брюк, где листки под полами пиджака почти не видно, поэтому я набрал этих листков значительное количество.

По ходу этой сложной операции Коле удалось – таки найти ответы на свой вопрос и на тот, который от него ждали. В этот момент я понял, что нас спасло от пристального внимания экзаменаторов.

Дело в том, что сидящей параллельно мне на другом ряду Остроносов Слава обратил на себя внимания экзаменатора соседней группы. Та увидела, что Слава пытается списать. Уверенной походкой она пошла к Славе, увлекая за собой и нашу преподавательницу и потребовала отдать то, с чего он списывает: лекции или учебник.

Слава, с лицом наивного трехлетнего ребенка, очень удивлен такому обвинению. Экзаменаторам на глаза, на самом деле, ничего не попало. Они вынуждены были отойти от обвиняемого...

Но стоило им только отвернуться от Славы... и что я вижу!? На коленях у него лежит конспект лекций, открытый на необходимой странице, и он списывает!

Не доходя до своих столов, экзаменаторы резко повернулись назад и почти бегом устремились к их объекту внимания, но их вновь ждало разочарование. Конспекта они не увидели. Тогда они

заглянули в парту, за батарею отопления...ни чего!

Только направились они к своим рабочим столам, а у студента на коленях вновь конспект и он, как ни в чем не бывало, продолжает списывать!

Вернувшись тут же назад, преподаватели устроили настоящий обыск: вновь заглянули в парту, осмотрели все предметы вокруг, предложили снять пиджак – Слава соглашается, снимает, нет ничего! Последнее на что пошли поисковики – заставили экзаменуемого подняться с парты. Тот спокойно встал и вместе со всеми устремил свой недоуменный наивный взгляд на то место скамьи, где он только что сидел – пусто!

Махнув рукой на свои неудачные попытки отловить списывающего, экзаменаторы придумали герою другую экзекуцию.

Когда подошла его очередь сдавать экзамен, они посадили его на стул между собой и начали заваливать задачами.

Теория им на дух не нужна была, ведь без знания её решить задачи невозможно!

Но они заблуждались очень сильно. У Остроносова был просто гениальный дар к точным наукам. Он решал любые задачи из любой области науки, совершенно не зная теории. Причем, решая задачи по сопротивлению материалов он, не зная теории и,

соответственно, не зная названия коэффициентов прочности или пластичности материалов, вводил их при решении задач просто как поправочные, которых, возможно нет, но которые обязательно должны быть учтены, иначе задача решения не имеет...

Примерно таким образом он сидел на экзамене по математике между двумя преподавателями и решал то, что они ему дадут.

А получалось у Славы примерно так: две – три задачи решит, на следующей ошибется. Решив, что его подловили, экзаменаторы тут же дают ему другие задачи на эту же тему, а Слава, не моргнув глазом, легко их решает. Тогда дают задачи из другой темы. Происходит, примерно, то же самое. И так он сдавал экзамен четыре часа без перерыва. Удостоверившись, что этот человек на самом деле самостоятельно решает задачи, общим мнением

экзаменаторы выставили Остроносову оценку «хорошо».

Дождавшись героя у двери аудитории, мы дружно пошли домой через магазин, чтобы отметить этот удачный день.

Там за рюмкой чаю я ненароком поинтересовался у Остроносова, куда же он всё-таки девал конспект, ведь я его созерцал собственными глазами и неоднократно. На это Слава буднично ответил:

– Ни куда я не девал, он всё время был со мной.

– Позволь! Но ведь тебя обыскивали, но не нашли, я же видел!

Когда меня обыскивали, то конспект я положил на лавку и сел на него.

Это вызвало весёлый смех у всех, кроме меня.

–Славик! Но ведь тебя вначале заставили снять пиджак, а потом и вовсе подняться с лавки, а там конспекта не было, я точно видел!

– Да был он там! Просто, когда мне сказали подняться, я конспект прижал к заднице и со всеми вместе повернулся лицом к лавке. На лавке на самом деле конспекта не оказалось, но он был постоянно при мне!

Такую находчивость и сообразительность мы отметили отдельно, выпив по стакану «Рубина

* * *

Рассказать, как Слава сдавал математику и при этом не рассказать, каким образом он сдавал экзамен по сопротивлению материалов было бы несправедливо!

Но начнем с нашего преподавателя.

Геннадий Адольфович Дощинский. Человек, который прекрасно знал то, о чем он рассказывал. Иначе и быть не может. Поскольку он всё доносил до студентов исключительно доходчиво, и, казалось, что проще предмета быть не может, а когда самостоятельно начинали решать задачи, тут и понимали, что в его руках и в наших руках сопромат – совершенно разные вещи!

Был очень рассеян, никогда не пользовался у доски тряпкой, чтобы стереть записи на учебной доске. Ему вполне хватало рукава собственного пиджака. Зачастую появлялся перед аудиторией с не застегнутыми брюками и в этот момент парни спешили к нему на помощь, подсказывали об оплошности.

Как – то весной он вышел из учебного корпуса, когда на площади перед корпусом перекуривали десятки студентов, наслаждаясь первым, ещё случайным, теплым днём...

Небо голубое, чистое, солнце полыхает во всю свою мощь, отдохнув за длинную зиму, птички поют, радуясь такому солнечному дню, снег тает прямо на глазах! Настроение у человека соответствующее! Он остановился, засмотревшись этой красотой. В расстёгнутом пальто,

без головного убора, шарф своей короткой стороной висел на шее, не покрывая её, а второй тянулся по ступенькам корпуса и, поскольку он оказался под ногами у хозяина, то хозяин не преминул на него наступить.

Постояв в такой позе некоторое время Геннадий Адольфович полез рукой во внутренний карман пальто... Лез всё глубже и глубже пока не достиг цели. Что-то ухватив, он начал это извлекать из кармана. И каково же было наше удивление, когда он извлёк оттуда свою шляпу! Надев её в совершенно помятом виде на голову, не сделав даже попытки расправить поля шляпы или сориентировать правильно шляпу на голове, он шагнул вперёд, стянул с шеи шарф и пошел намеченным маршрутом.

Мы всё это видевшие, тут же кинулись за ним, чтобы вернуть потерянный шарфик. Это обстоятельство его не смутило. Приняв свой шарф с благодарностью, он обмотал его себе вокруг шеи и пошел дальше, наслаждаясь весной. Его любовь к студентам и добрые чувства особо проявлялись на экзаменах. А устраивал он экзамены следующим образом.

Всю группу запускал в аудиторию, не раздеваясь, раздавал билеты, которые представляли из себя пару рукописных листков, на одном из них была задача, на другом теоретические вопросы.

Причем написаны задания были шариковой ручкой, а она продавливала листок бумаги так, что с обратной стороны было видно лицевое заполнение. И если текст прочесть было сложно, то эскиз к задаче просматривался очень отчетливо!

Затем собирал зачетные книжки, заполнял экзаменационную ведомость и покидал аудиторию на три часа.

В это время можно было пользоваться всем, чем угодно: лекциями, учебниками, справочниками... не важно. При беседе со студентом он всё равно безошибочно определял уровень знаний каждого.

Если погода в день экзамена была хорошая, то преподаватель с удовольствием гулял три часа по улицам, а если погода не позволяла гулять, то он уходил куда-нибудь на кафедру или садился в соседней аудитории и три часа сам с собой играл в шахматы.

По истечении этого времени он возвращался к месту сдачи экзамена, около двери долго кряхтел, шаркал ногами, прежде чем открыть дверь. Но и это ещё не всё.

Он аккуратно, чтобы не напугать, стучался в дверь, а открыв её, поворачивался спиной вперёд и так входил, снимал пальто, подходил к столу и только здесь он поворачивался, при этом низко опустив голову.

И только уютившись на стуле, он приглашал первого отвечать экзамен к себе за стол.

Ещё одно приятное всем студентам чудачество заключалось в том, что через семестр, на втором экзамене он никогда не ставил оценку ниже той, которую получил студент на первом экзамене. Выше мог, а ниже никогда!

И здесь снова отличился Остронос Славя!

При раздаче задач он увидел эскиз той, которую не мог решить ни один из сдававших перед нашей группой студентов.

Вытащил, видя эскиз к задаче просто так, из «спортивного интереса». Ну а в «довесок» ему по теории выпал вопрос из самой сложной темы курса.

Трудно вспомнить конкретно, но там был какой-то сложный изгиб с поворотом и срезающим моментом одновременно. Короче говоря, горящих желанием отвечать этот вопрос нашлось бы не больше, чем решать ту задачу, которую Славик сам себе вытянул. Когда Дошинский читал нам эту тему, то он затратил полноценные две лекции, то есть четыре учебных часа. Всё это время к

поставленной задаче он выводил расчетную формулу. Прервавшись на окончании одной лекции, он продолжил и закончил вывод на другой в конце занятий. Но закончил с очень недоуменным видом...

Простояв в глубокой задумчивости несколько минут он нам объявил, что, в принципе, всё решение правильно, но он где-то попутал знаки. Поэтому там, где должен получиться «плюс» у него получился «минус».

– Ну, ничего страшного! Будете готовиться к экзаменам – сами разберётесь!

Ага! Как бы не так! Кто бы это, интересно знать, стал бы разбираться и искать ошибку у преподавателя, кому это нужно?

Естественно, все решили спустить на русский авось. Всё – таки тема одна, а билетов много!

И вот именно этот вопрос выудил себе Слава.

Почти сразу после того, как преподаватель покинул нас на три часа он сказал, что задача ерундовая и он её уже решил. А что за теоретический вопрос он, конечно, не знал.

Повернувшись ко мне, он показывает вопрос и спрашивает:

– Что это такое, о чем, вообще, здесь говорится?

Глянув на вопрос билета, я ему ответил, что, в принципе, я в курсе, но вывести формулу не смогу. И напомнил всю историю вывода этой формулы в течении двух лекций.

– Понял, ответил он. А исходные данные ты мне дать можешь?

– Могу!

– А конечный результат? – Могу! Смотри! Только имей в виду, что он где-то знак потерял и относительно лекции он должен быть

противоположным. Бери лекции, пользуйся!

– Да не надо, я сам!

И сел за вычисления.

К возвращению экзаменатора в аудиторию он уже сидел готовый к ответу по всем вопросам и первым отправился отвечать. Молча просмотрев решение задачи, Дошинский удовлетворенно кивнул головой и отложил листок в сторону.

– Давайте, показывайте свои знания теории!

Славик протянул ему исписанный листок с выведенной формулой.

Экзаменатор недоуменно изучал несколько минут листок и сказал:

– Ни чего у Вас не понимаю! Что это такое?

И Слава «вдарился» в объяснение...

– Дело в том, что я не знал этой темы, спросил у ребят, они мне сказали какие исходные данные, и какой результат, но когда Вы выводили эту формулу, то где-то потеряли знак. Поэтому я решил всё в обратном направлении. От конечного результата к исходным данным.

– Но я не использую таких обозначений! Где Вы их взяли? В лекции тоже такие же обозначения как в учебнике.

– А я не читал ни лекции, ни учебник.

– Как на читал!? Хорошо! Что означает у Вас эта закорючка?

– А это когда на материал воздействует какая-нибудь сила, то он вначале сопротивляется, потом гнется. Так вот это поправка на это сопротивление.

– Это же коэффициент пластичности!

– Д-а-а? А я не знал!

– А это что за греческая буква?

– Это «кси», она тоже вносит поправку в случае, если воздействовать на материал, то тот вначале сопротивляется, а потом ломается. Вот это поправка «кси» и означает.

– Но это коэффициент прочности! И у него совсем другое обозначение!

– Д-а-а! А я не знал! Я же говорю, что лекции и учебник не читал!

– Ну ведь Вы правильно вывели формулу. Хоть и наизнанку! Откуда же Вы взяли эти знания, если не читали?

– Не знаю! Просто думал, что так будет правильно!

– Никогда ещё такого не видел! – сказал экзаменатор, и отпустил Славу, поставив ему пятёрку!

* * *

Заканчивается обучение на самом трудном первом курсе. Ещё экзамены не начались, а идет только зачетная неделя, за которую необходимо сдать все зачеты и получить допуск к экзаменам. За семестр у всех накопились не сданные работы по техническому черчению, начертательной геометрии и техническому рисованию.

У кого-то больше, у кого-то меньше, но все явились в назначенное для сдачи время в одну большую аудиторию.

За двумя столами сидят обе преподавательницы, которые вели практические занятия по предметам: Воронкова и Заринкова, а вокруг них несчетное количество студентов, включая вечерников и заочников.

Схема сдачи такова: подходишь со своими чертежами, они просматривают молча всё, ставя пометки на ошибки и неточности. Ты идешь исправлять! Если всё верно, то работа зачитывается и сдаешь следующую. Времени у преподавателей, чтобы поднять голову и пообщаться со студентом нет, поэтому они видят только чертежи.

Студентам дневного обучения в этом плане легче. Всю теорию они прослушали, почитали в учебниках, посещали практические занятия и там что-то почерпнули для себя, а то и сдали работы.

Вечерники и заочники такой возможности не имели, поэтому сдачу работ можно правильнее назвать «спихиванием».

У женщин-преподавателей нервы уже взвинчены до предела и сами они уже раскалены так, что если выключить свет, то обе будут светиться в темноте красным светом.

И тут раздается над аудиторией зычный голос одной из принимающих:

– Да я уже видела этот чертеж, только-что! Тут куча ошибок, я же Вам их отметила! Идите, исправляйте!

– Но я ведь уже исправил, где Вы поместили!

– Так там ещё куча ошибок! Смотрите внимательно, а лучше перечертите чертеж полностью!

– Как это «перечертите»? Мне сдать надо чертеж.

– Так здесь же масса ошибок!

– Где ошибки, ну где, скажите!

– Пожалуйста! Вот ошибка: неверно подписан размер, неверный знак обработки поверхности – тоже ошибка, не выдержана толщина линий!

– Толщина линий!? Так это же х – ня!

– Да! Х – ня, и это х – ня и это тоже х – ня!.. А!? Что Вы сказали! Вон отсюда! После такого диалога заочника с преподавательницей мы все аж под парты попрятались от страха. Но всё что ни происходит, всё нам на руку!

Обе женщины первой очередью приняли всех безоговорочно «дневников» и остались разбираться с оставшимися вечерниками и заочниками.

* * *

В принципе учеба заладилась во всех отношениях, включая отношения с преподавателями. Исключением являлись отношения с преподавательницей немецкого языка, которая с удовольствием занималась со всеми студентами, кроме студентов МФ. Она считала, что именно здесь собираются самые тупые в изучении иностранных языков студенты и при этом высказывала неоднократно эту свою «мудрую» мысль нам вслух.

Надо сказать, что её старания даром не прошли, и мы ей стали отвечать взаимностью, которая на последнем курсе обучения языку вылилась во взаимную неприязнь. Правда, к этому времени занятия иностранным языком по расписанию стали происходить один раз в две недели, но это не снимало необходимости пройти весь материал семестра.

И тут по учебному плану у нас должна была пройти контрольная работа на автоматах. Автоматы – это такие предшественники компьютеров, в которые закладывались вопросы по предмету и представлялось несколько ответов. Нужно было из двадцати пяти вопросов ошибиться не более двух раз, причем не подряд, иначе автомат выводил окончательную оценку «неудовлетворительно» и возникала необходимость пересдачи до момента получения положительной оценки. С чувством тошноты в животе мы явились на контрольную работу, и, о чудо! – нашего преподавателя нет. А без неё нас никто к автоматам не допустил. Мы так и не узнали, почему же её не было? Возможно спутала расписание, возможно забыла о назначенной контрольной, возможно приболела, но экзекуция нас миновала...

А следующая встреча должна произойти только через две недели!

За это время никто даже не подумал сходить на кафедру иностранных языков и встретиться с ней.

Подошел очередной день занятий. Время приближалось к паре иностранного языка, и у нас начался диспут на тему: «Куда пойти учиться?» Одна часть думала, что надо идти вновь на контрольную на автоматах, а это совершенно другой учебный корпус, довольно далеко находящейся, другая часть, что надо идти в лингвистический кабинет, где мы занимались изучением языка.

Победило второе мнение, но этого не знала наша преподавательница, которая по – видимому, нас ждала на контрольную. Так прошло ещё две недели и вот, пропустив месяц занятий, мы всё-таки встретились со своей преподавательницей.

Мы сидели за столами с ослабевшими коленями. Кто же знает, чем она на нас может «отыграться»?

Но случилось великое чудо! За это время её просто подменили.

Заходит она совершенно спокойная, здоровается с нами, берёт в руки учебник немецкого языка и отлистывает в нем, примерно, половину страниц...

– Вот столько материала мы должны были с вами изучить за то время, пока вы не появлялись на занятия!

У нас просто похолодело в кишках. Ну, думаем, сейчас всё это задаст до следующего занятия, а там устроит казнь.

А она спокойно откладывает учебник в сторону и говорит:

– Пусть же всё это остается на вашей совести тяжелым камнем! А мы двигаемся дальше!

В семидесятые годы в томском городском транспорте частенько можно было прочитать лозунг: «Совесть пассажира – лучший контролёр!» А студенты его переиначили и говорили: «Советь контролёра – лучший пассажир!»

Вот по такой перевернутой фразе у нас всё срослось с иностранным языком.

Уж какой тяжести камень лег нам на совесть, неизвестно, только свалился с неё ещё более тяжелый!

Итожа своё вступительное слово, она сказала, что Государственный выпускной экзамен по иностранному языку, который нам предстоял уже через пару недель, скорее всего наша группа не сдаст!

И пришел день расплаты.

В отличие от всех остальных предметов, по которым можно хоть что-то узнать даже в последнюю ночь перед экзаменом и надеяться на чудо, что тебе именно это и попадется, иностранный язык надо учить и совершенствовать знания постоянно. Поэтому его либо знаешь, либо не знаешь! Но делать то нечего, сдавать необходимо.

На экзамен шли как на праздник: в отглаженных костюмах, белых рубашках, в галстуках. Шпаргалок никто не делал. Смысл – то в них какой? Ведь в шпаргалку вписывают обычно то, что плохо знают или понимают и это надеются списать. А нам что, весь учебник переписывать или немецко-русский словарь?

Кстати, словарем на экзамене пользоваться разрешалось, только времени на подготовку ответа давалось всего двадцать минут, так что словарь тоже сильно не полистаешь!

Приятной неожиданностью для нас стало то, что Государственный экзамен не имел права принимать тот же преподаватель, который вел занятия.

Нас усадили в аудитории, собрали зачетные книжки на стол и раздали задания для подготовки ответа. Это было три задания: перевод текста с немецкого на русский язык, пересказ незнакомого текста и беседа на заданную тему.

Моя зачетка оказалась третьей по счету сразу следом за самыми успешными нашими ребятами в вопросе знания языка.

Начинаю переводить выданный мне текст.

Первое предложение: просто русский текст, написанный латиницей, второе предложение такое же! Я довольный потираю руки и тут выхожу на третье предложение. Читаю его, вдумываюсь в смысл... Всё-таки кое-какие слова знаю. Но что это за напасть? Я текст читаю, а предложение не кончается. Кое как найдя через четыре абзаца окончание предложения я полностью потерял его смысл. Всё-таки грамматика немецкого языка сложна и самое в ней неприятное, что предлог слова может находиться в самом начале сложного предложения, а окончание в совершенно непредсказуемом месте, включая самый последний слог предложения! Здесь же предложение на столько сложносочиненное, что его как будто специально так сложно сочиняли... Позаглядывая в словарь, перечитав несколько раз предложение, я сумел какой-никакой смысл у переведенного найти и составить предложение, наиболее меня устроившее. В это время пошел отвечать первым Глинкин Николай. Я прекрасно понимаю, что это не более пяти минут, далее по

очереди Калдыров и следующим должен идти я. То есть я в цейтноте!

А текста ещё переводить треть! А ещё тема для собеседования и пересказ текста, который я даже ещё не читал.

Я порылся в карманах и там нашел самое необходимое для меня на данный момент: ластик и обрезаю карандаша.

Быстренько стерев галочку, поставленную преподавателем, указывающую объем переведимого текста, я поставил новую галочку в том месте, до которого текст перевел. В принципе, объем перевода был достаточно большой, и экзаменатор могла не обратить на это «мелочь» внимания.

Оставалось рисковать, так как дальше тянуть было нельзя!

Прочитав тему для собеседования, понял, что Господь Бог какой-то студенческий существует, потому что досталась тема, на которую все изучающие немецкий язык, беседовали ещё обучаясь в школе – «Моя семья». Значит на неё время можно не тратить, по ходу беседы что-нибудь насочиняю!

Последним заданием было: пересказ незнакомого текста.

Да! Но я даже представить себе не мог, что тест может быть на столько незнакомым!

Прочтя его в первый раз, я не нашел в нём ни одного знакомого слова! Потом уже стало понятно, что это от неожиданности. После того, как этот же текст я прочитал раза три – стал улавливать общее содержание! Но пересказать!? Собственными словами!? Это было выше моих сил!!!

И в этот момент пришло гениальное решение: надо этот текст прочитать максимальное количество раз, чтобы читать не запинаясь, а там уж что будет – то будет! Так что этот злопо-

лучный текст я успел прочесть раз пятнадцать и тут подошла моя очередь сдавать экзамен. Я уверенной походкой подошел к столу экзаменатора,

который стоял вплотную к стене, сел на стул и, выполняя требования экзаменатора, неуверенной рукой показал «тот объем текста», который мне нужно было перевести. Она спокойно взяла мой листок с записанным переводом, прочла его и отложила в сторону.

Поставила у себя в листке какую-то, только ей понятную закорючку и предложила мне переходить ко второму вопросу.

Тут я по заданной теме для собеседования поливал как соловей весной! Так уверенно и бойко рассказал набором самых простых слов о моих родителях, брате, сестре, где кто проживает и чем занимается, что у экзаменатора не возникло ни одного вопроса ко мне. В общем, собеседование превратилось в монолог, который полностью, как я понял, удовлетворил слушательницу. А я получил в записях о себе очередную какую-то закорючку, точно такую же по виду, что и первая.

Оставался последний, теперь самый страшный момент для сдачи экзамена – пересказ текста, который я совершенно не помнил.

И в этот момент приходит в голову очередная идея!

Положив листок с текстом таким образом, чтобы экзаменатор могла свободно его видеть и читать, но при этом не загораживала листок мне, откинув голову за плечи преподавателя я уперся глазами в текст и начал бегло его читать!

Но в голову закралась одна предательская мысль, что слишком уж я уверенно и без запинок его читаю!

Всё это со стороны должно выглядеть не слишком правдоподобно! Мне просто необходимо где-то сделать заминку!

И я её сделал!

Поскольку текста я не помнил, то выбирать особо не приходилось. Где запнулся, там запнулся! Сажу с задумчивым видом, тру себе бестолковый лоб, и

делаю вид, что пытаюсь вспомнить текст, чем очень удивил принимающую экзамен женщину.

Она посмотрела на меня над своими очками и спросила:

– Что же Вы замолчали? Так хорошо пересказывали! Забыли, что ли текст?

– Да вот что – то сбился и потерял мысль, умно ответил я.

– Так посмотреть для напоминания не возбраняется! Просмотрите, где Вы запнулись!

Я посмотрел...

Хуже места для этой сцены придумать нельзя было, так как там не сбился бы даже пятиклассник! Но уже ничего не исправишь! Да и смотреть-то, оказывается, не возбраняется!!!

Я пробежал глазами текст до конца статьи и уже без единой запинки, добросовестно дочитал его до конца!

Поставив в собственных записях обо мне ещё какую-то пометку, похожую на две первых, экзаменатор меня отпустила и перешла к следующему.

Так один за другим мы продвигались по Госэкзамену и все думали только об одном – чтобы не пришла с проверкой наш ведущий преподаватель, а то ведь она нам обещала на экзамене «весёлой жизни»

Часам к трем вся группа «отстрелялась», но результаты Госэкзамена оглашают только после завершения экзамена,

поэтому все были в неведении.

И, наконец, наступил торжественный момент.

Нас завели в аудиторию для оглашения результатов. На ватных ногах мы вошли, расселись и стали ждать своей судьбы!

Раскрыв свои записи, экзаменатор огласила текст примерно следующего содержания.

– Обычно мало кто из преподавателей рвется принимать экзамен у студентов МФ, потому что вы, как правило, мало времени уделяете изучению языка. Но ваша группа явила из себя удивительное исключение!

– Неудовлетворительных оценок нет!

По аудитории пронесся вздох облегчения.

– Троек всего три. Называет фамилии. Я своей не слышу.

Ну, значит, всё здорово! Четверка в кармане и можно, вполне, побороться за стипендию!

– Но самые выдающиеся знания в области изучения языка показали три человека. Называет двоих наших, действительно сильных парня: Глинкин и Калдыров и третьим оказываюсь я!

Пока не увидел оценку в зачетной книжке, я поверить не мог, а получив зачетку на руки я, что называется, подорвался бегом из корпуса.

Бегу по коридору и вылетаю на нашу преподавательницу, обучавшую нас четыре года.

Она меня бегущего спрашивает:

– Борисенко! Вы экзамен сдали?

– Сдал! – отвечаю я, не останавливаясь.

– Как сдали, что получили?

– Да сдал я, крикнул убегаю и махнул рукой! А сам думаю:

– Чем черт не шутит? Остановит, узнает, что сдал на «отлично», пойдет перепроверять...

а мне это надо?

Глава 2

Путешествие в романтику.

Интересно узнать! Кто – ни будь, когда – либо задумывался над тем, насколько учебные программы одного ВУЗа могут отличаться от таких же программ другого. Или одинаково ли загружены студенты разных специальностей на одном и том же факультете?

Наш институт очень заботился о качестве своих студентов – будущих руководителей производства и был горд тем, что не только учебное время студентов было очень напряженно нагружено, но даже лето их студентами используется на благо учебного процесса, потому что летом мы проходили производственную практику.

Нет, нет! Никто из нас, студентов, по этому поводу не роптал! Все прекрасно знали, что, благодаря, в том числе, занятых производственной практикой летних месяцев, наши выпускники были востребованы на самых ведущих предприятиях огромного Советского Союза. Плоды, как говорится, были на лицо!

Мне всё это припомнилось, когда моя дочь поступила учиться в очень престижный университет, но на специальность, которой раньше не было. Их курс был первым. Так что программа обучения отрабатывалась и выстраивалась на них. А учились они, примерно, весь семестр по одной – две пары в день. Три пары занятий было большой редкостью. И надо сказать, что мне технарю по образованию, читать её учебники сходило на уровне художественной литературы! Я зачитывался учебниками по психотипам людей, языку жестов и поз, так называемыми «законами подлости». Нет, конечно, там были учебники, которые без специальных знаний было не понять, но согласитесь, что изучать психологию людей имея при этом большой жизненный и производственный опыт и интереснее, и проще, чем первокурснику.

В связи с этим я вспомнил, как мы пришли на первый курс специальности, которая существовала с рождения факультета, и возраст её уже перевалил далеко за семьдесят лет!

Представляете, как за эти годы отработалась и отшлифовалась

программа нашего обучения!?

Для вхождения в режим учебного процесса было выделено время в объеме первого часа вступительной лекции по начертательной геометрии.

На встречу с начинающими студентами пришел весь деканат и заведующие наших профилирующих кафедр.

Каждый из выступивших преподавателей смысл выступления сводил к тому, что нас ожидает, если мы «запустим» его предмет. Пламенные, обнадеживающие выступления подытожил декан, который сказал коротко:

– Кто будет лоботрясничать – всех выгоню! Обещаю, что к завершению учебы вас останется примерно половина. В какой половине вам находиться в конечном итоге решать вам самим!

После всех этих напутствий наша жизнь на первом курсе выглядела следующим образом: учеба по расписанию, учеба в библиотеке, учеба в комнате в общежитии.

Между этими учебами минут по двадцать на посещение столовой два-три раза в день. Экономия времени за счет сна. Да и сам сон представлял необычное зрелище.

В нашем расписании одновременно присутствовали такие предметы как техническое черчение, техническое рисование, начертательная геометрия, сопротивление материалов, теоретическая механика. Они подразумевали собой работу карандашом по чертежной бумаге. Мы все, выполняя напутствие старших товарищей, никогда не расставались с отточенным карандашом и ластиком. Потеря одной из этих вещей равнялась катастрофе вселенского масштаба! Поэтому у каждого из нас карандаш и резинка были привязаны тонким шнуром и висели на шее типа ладанки у верующего.

Так мы ходили на занятия, так мы ходили в столовую, туалет, душ, так мы спали. А над кроватью каждого из нас на шнуровых веревках, прикрепленных к стене, были подвешены чертежные доски. Все разложенные на этих досках конспекты и чертежи каждый раз убирать времени не хватало, поэтому спали прямо под чертежными досками, нависшими над кроватями, как солдаты в блиндаже, с повешенными на шее карандашами и резинками.

И если вы думаете, что с окончанием первого курса всё изменилось и мы расстались раз и навсегда с карандашом и резинкой, то глубоко заблуждаетесь.

Первый курс это было только начало, потому что далее по программе обучения у нас шли каждый семестр курсовые работы по основным предметам и не всегда по одной курсовой.

Эти работы представляли из себя расчетную часть в объеме пятьдесят-шестьдесят листов и альбом чертежей состоящий из пяти листов полного формата ватмана.

Отбыв три – четыре пары лекций и семинаров, и, подготовившись к занятиям на завтра, мы садились за курсовые.

Лучше всего они шли по ночам, когда общежитие успокаивалась, часть ребят ложилась спать, а те, кто корпел над курсовыми, считал неудобным ночью шарахаться по соседним комнатам.

Такой загрузкой мы отличались не только от студентов других факультетов, но и от студентов других специальностей нашего факультета.

Среди нас любимым анекдотом в эту пору был анекдот про женатого студента – технолога, который сказал жене, что пошел к

любовнице, любовнице сказал, что пошел к жене, а сам заперся в рабочей комнате и чертить, чертить, чертить...

Но не нам первым и не нам последним втягиваться в эту программу. Постепенно втянулись и мы в такой ритм, стало появляться немного свободного времени по вечерам. Это время, примерно после десяти вечера, мы решили посвятить изучению города, в котором имели честь учиться.

Делали очень просто: шли на улицу и, подходя к остановке транспорта, садились в первый попавшейся автобус, троллейбус, трамвай. Ехали, пока не надоест или до конечной остановки, а потом возвращались назад пешком. Надо сказать, что это дало свои плоды. К окончанию первого курса мы не только освоились в институте, но и так же успешно освоились в городе.

А, изучая историю своего института, я узнал, что у томских студентов уже очень большой, многолетний опыт работы в студенческих строительных отрядах. К этому времени студенты Томска уже отработали 14 летних семестров на стройках страны. Участвовали в строительстве города Гагарина, заложили новый нефтеград на севере области, освоили со всей страной Целину... Много хороших и нужных дел свершили ребята в «робах» с надписями на спине, с гитарами на перевес, с юношеским задором и блеском в глазах.

Работа до изнеможения, дружба и взаимовыручка, без которых не пойдет ни какая работа, песни у костра по вечерам!

Романтика!!!

Она меня тоже увлекла. Осталось выяснить, где и как можно попасть в ССО-Студенческий Строительный Отряд? Вижу – объявление: «Производится запись желающих..., дата» Оно!

Когда пришел записываться, неожиданно для себя обнаружил, что из нашей учебной группы я пришел один. Это меня удивило, несколько разочаровало, но не остановило. Я подал заявление и стал ждать дня отбора.

За это время выяснил, что наш учебный процесс прописан таким образом, что, начиная со второго курса каждое лето мы не будем иметь каникул на отдых. Это летнее время у нас будет занято производственными практиками. Каждый год разная: ознакомительная, производственная, технологическая, преддипломная. Одно лето, когда можно отдохнуть – это лето после первого курса. Но оно же единственное лето, когда можно оказаться в строительном отряде, больше такой возможности не представится.

Выбор я сделал в пользу романтики.

Нас долго и нудно готовили, чему-то обучая, скорее всего техники безопасности, ну кому это интересно? Но главная подготовка – сдать сессию!

Вот и последнее препятствие в виде сессии успешно преодолено! Теперь только романтика на всё лето!

В последних числах июня нас всех в количестве пятидесяти человек посадили на теплоход «Патрис Лумумба» (и откуда в центре Сибири могло взяться такое экзотическое имя для корабля?) и мы двинулись вниз по течению Томи, вошли в русло Оби... и там все ахнули!..

Уже много позже мне довелось в конце июня лететь на самолете на север Томской области и всё, что нас привело в восторженный ужас, увидеть с высоты полёта самолёта.

Оказывается, в эту пору тайга из себя представляет океан, в котором изредка встречаются острова суши, и, по дну которого повсеместно растут деревья. Этот океан не имеет ни каких границ вообще! Столько воды! И вся эта вода представляет реки и озера, вышедшие из берегов, и самое большое в Море Васюганское болото, которое тоже далеко вышло из берегов, и вся излишняя вода слилась вместе.

Где заканчивается одно и начинается другое сам Бог не разберёт!

Поэтому, когда летишь на самолёте, то становится страшно от того, что садиться самолёту не куда, суша отсутствует!

Как вдруг при подлёте к месту назначения ты видишь сверху небольшой участок намытой суши с коротенькой полоской дороги. На ней стоят какие-то строения, а дорога никуда не ведет. Потом эти строения превращаются в здания аэропорта, а короткая дорога, становится посадочной полосой для твоего самолёта. И ты молишься, чтобы пилот не промахнулся мимо этой ниточки посадочной полосы.

А мы, стройотрядовцы, шли по воде.

Как только теплоход вышел из русла Томи и вошел в Обь, мы оказались не в речном плавании, а в океаническом. Фарватер теплохода проходил так, что ни слева, ни справа берегов реки видно не было, крепкий вечерний ветер раскачивал наш теплоход как безвестное плавучее строение. Казалось, что мы в самом деле в открытом океане, а наш «Патрис Лумумба»,

трехпалубная речная громадина, стоявшая у причала речвокзала Томска, оказался малюсенькой щепочкой, брошенной на поругание волнам бескрайней воды.

Наши места согласно билетам, располагались в трюме. Там было достаточно уютно, просторно, тепло, но впечатление, полученное от разлившейся реки, было сильнее желания согреться. Мы высыпали на палубу, и даже ни у кого не возникло желания спуститься вниз, зато желание под эту неопишемую красоту петь походные песни стало неудержимым. И мы запели!

Это были, конечно, очень популярные песни, но для нас неизвестного автора.

Понимаешь! Это странно, очень странно,

Но такой уж я законченный чужак.

Я гоняюсь за туманом, за туманом,

И с собою мне не справится ни как.

Люди посланы делами, люди едут за деньгами,

Убегают от обиды и тоски...

А я еду, а я еду за туманом,

За туманом и за запахом тайги...

Следом пошла другая песня, не хуже первой.

А ты твердишь, что б остался я,

Чтоб опять не скитался я,

Чтоб восходы с закатами

Наблюдал из окна.

А мне б дороги далёкие

И маршруты не легкие,

Да и песня в дороге мне

Словно воздух нужна...

А чтобы жить километрами,

А не квадратными метрами,

Холод, дождь, мошкара, жара

Не такой уж пустяк,

И что б устать от усталости,

А не от собственной старости.

И не жизнь в кабаках – рукав

Прожигать у костра...

Развесёлый, общительный, талантливый и бесконечно музыкально одаренный Витя Диль быстренько сбегал за своим неразлучным спутником – баяном. Он слёту подстраивался под любого поющего или играющего и тут же начинал подыгрывать совершенно незнакомую ему ранее мелодию! А уж что касается известных всем песен, то он составлял дуэт любому музыкальному инструменту, ну, а с гитарой ему неоднократно приходилось нам аккомпанировать.

Под звон гитары Олега Кислицкого и мелодичное звучание Витино аккордеона мы дружно спели разбитную песню про

бездомного бродягу:

Всё перекаты, да перекаты!

Послать бы вас по адресу...

На это место уж нету карты,

Плывём вперёд по абрису.

А где-то бабы живут на свете,

Друзья сидят за водкой.

Владеют камни, владеет ветер

Моей дырявой лодкою...

Следом за этой песней запели под очень лиричное сопровождение одного баяна.

Ну что, мой друг свистишь?

Мешает жить Париж?
Ты посмотри,
Вокруг тебя тайга
Подбрось-ка, дров в огонь.
Послушай, дорогой!
Он там,
А ты у черта на рогах!..

Так под гитару и баян мы всю ночь просидели на палубе, правда ночи июньские в Сибири не более трех часов, а затем начинается рассвет, зрелище восхитительное!

Проплыв часов двенадцать теплоход начал куда-то медленно сворачивать, явно желая пристать к берегу, которого не было и в помине. Минут через пятнадцать движения поперёк течения стал вырисовываться высокий берег. Ещё минут через тридцать – сорок мы пристали к дебаркадеру. Это была пристань города Колпашево.

Здесь, на окраине города с местным названием «Пески» расположилось стойбище нашего отряда в здании какого – то клуба.

День прибытия использовали на собственное благоустройство: устроили спальные места, штаб, кухню, сколотили столы для приёма пищи, получили рабочий инвентарь и наряд на работу с завтрашнего дня.

И работа началась!..

Нам выдали задание прокопать канаву и уложить в неё кабель связи. Канавы должна пройти через весь городок от речвокзала до подстанции связи. В руках у нас были только лопаты. Любой другой инструмент нам запрещали брать в руки. Ни ломы, ни кирки, ни топоры...

Крайне нас это удивляло и возмущало.

Ещё бы!

Вы, когда ни будь пробовали выкопать лопатой канаву. Да что там канаву, просто ямку в вечной мерзлоте... А здесь, нам всем на удивление, грунт был таким: сверху примерно на штык лопаты был песок, чистый такой, как будто его специально промыли, он даже не пылит, когда его просеиваешь, глубже – торф! Так этот самый торф к концу июня даже не оттаял. Мало того, он был настолько замёрзший, что ноги в резиновых сапогах, положенных по технике безопасности, не выдерживали, и приходилось каждые полчаса выбираться из канавы, разуваться и лежать, задравши к солнцу ноги, чтобы отогреть их. Правда такое наблюдалось не везде, а ведь в Колпашево росли деревья, люди выращивали огороды... Как потом показала практика: там, где солнце прогревало землю этого не наблюдалось, а там, где преимущественное время территория находилась в тени зданий, заборов, тех же деревьев, там сталкивались с замёрзшим торфом. И как-то странно проложили для нас трассу под кабель, основная часть канавы проходила по затененной стороне.

Мы в своих трудах продвигались не быстро, сантиметрами вгрызаясь в мерзлоту. Работа тяжелая, ноги мёрзнут, а при этом лето стоит с тридцатиградусной жарой!

Работать в робе жарко, поэтому через пару дней мы не стали надевать робу поутру, когда нас вывозили на объект. Прошло ещё немного дней, и мы стали выезжать с нашего стана даже без рубашек. Тело к этому времени уже как следует загорело под солнцем и «задубилось» до того, что назойливый гнус тело не прокусывал, но вот уши... Уши приходилось прятать. Иначе мошкара работать не даст, будешь постоянно смахивать гнус с ушей, а к концу рабочего дня своим смахиванием сотрёшь уши до крови.

На нас с огромной человеческой печалью смотрели местные тёточки.

Сердобольные русские женщины даже представить себе не могли, что эти, фактически дети, добровольно захотели поработать летом и искали себе именно такую трудную работу.

Поэтому все хозяйки дворов, мимо которых проходила наша канава, постоянно над нами причитали:

– Да кто это детей посмел заставить так трудно работать!

– Изверг!

А затем, обращаясь к нам:

– Детки! Зайдите во двор, я вам

молочка налью и огурчиков с огорода принесу!

И несли нам молоко трехлитровыми банками, огурцы, помидоры ведрами, буханки хлеба и соль в обязательном порядке! При этом продолжая причитать:

– У меня самой сын или внук учится в Томске. Может и его кто покормит!

Но оказалось, что не всё население нас любит и приветствует. Пройдя больше половины канавы мы зашли с работами на территорию, расположенную за аэродромом, он в Колпашево находился, практически, в центре города. Здесь сама атмосфера была не такой, люди по улицам не ходили. Дети играли только в своих дворах. Никто из взрослых к нам не подходил, женщины не стремились нас чем-нибудь угостить, даже не позволяли набрать питьевой воды из колодца или водопровода.

В один из дней подходит к нам карапуз и уверенным голосом спрашивает:

– Что это вы здесь делаете? Зачем канаву вырыли?

Мы отвечаем:

– Мальчик! Мы прокладывает кабель связи, чтобы у твоего папки дома был телефон.

Пацан убежал, но очень скоро вернулся и вполне авторитетно нам заявил:

– Папка сказал, что ему телефон не нужен, убирайтесь с нашей улицы на ...!

В последствии на наш этот рассказ один местный парень нам пояснил, что в этом районе города проживают потомки ссыльных немцев Поволжья и прибалтийцев, у которых не прошли обиды на Советскую власть. Люди они все, как правило, обособленные, необщительные и мрачные. Дружбы и даже знакомств ни с кем они не водят.

А мы после этого случая этот славный «портовый» городок стали называть не иначе как «Рио де –Колпашево».

Вот такой боевой вид мы имели: обнаженный торс, резиновые сапоги, рабочие штаны и обмотанная какой-нибудь косынкой голова. Но это всё неприятно закончилось в один день!

Утром как обычно мы вышли на объект в своей обычной «униформе». Привычная жара с утра продолжалась до обеда. А в обеденное время над нами образовалось малюсенькое, совсем неприметное облачко, с которого на наши головы начал капать огромными холодными каплями совсем не летний дождь, и он буквально за минуты превратился в холодный ливень. А следом за ливнем на наши головы повалил снег!!! Малюсенькое, почти незаметное облачко в один момент разрослось до невообразимых размеров, затянув собой всё небо. Сразу на глазах потемнело, температура упала до десяти градусов. Когда за нами пришел транспорт, чтобы отвезти на обед, то застал такую картину: мы все промокшие, замерзшие, по пояс голые стоим с шапками снега на голове...

Случилось это пятнадцатого июля!

На следующий день потеплело, но дальше, до самого окончания нашей работы теплее пятнадцати градусов температура не поднималась. Это на улице, а у нас в отряде на следующий день у большинства бойцов отряда температура подскочила, а за одно появился насморк – простуда вполне заслуженная!

За то среди «сопливых» бойцов появилась присказка следующего содержания: «Знаю я три города – матери: Одесса – мама, Москва – мать и Колпашево ... твою мать!» Болеть некогда. Продолжаем копать канавы одними лопатами и нас переполняет возмущение:

– Так что же нас ничем больше не снабдили, возмущались мы.

В ответ родился экспромт: «Это раньше работали вручную, а теперь лопатой!»

Но шутки шутками, а с ломами и кирками мы значительно быстрее бы продвигались! Хотя, если честно, то вряд ли это продвижение заметно ускорилось бы.

Дело в том, что любой лом о замерзший торф стучается как о ватную подушку. Ну, пробьет он в вате небольшое углубление, а куска грунта даже не отколет. Единственное, чем лом может помочь – это выковыривать не перегнившие корни или ветки.

В «тихую» мы лом себе раздобыли. Роем себе по городу канаву, роем и неожиданно что-то мешает, поперёк лежит толстая коряга, не позволяет в этом месте углубиться. Мы подвели под корягу лом, стали её вытягивать вверх. Немного поддается. Подложили под лом кирпичи, вчетвером за другой конец лома взялись и от всей души уперлись... Ну прямо как в сказке про репку! Тянем – потянем ломом, и вдруг рывок и из канавы торчат какие – то провода, толстенный пучок, штук на пятьдесят проводов...

Вот незадача, какой – то кабель порвали!

Оперативности связистов оставалось только удивляться. Мы ещё и не поняли толком, что произошло, а вокруг нас уже собралось несколько человек гражданских связистов, прибывших на своей летучке, глава местной милиции расставил вокруг оцепление, чтобы никто посторонний не смел к порванному кабелю приблизиться, и куча военных разных чинов и званий.

Из нас никто даже подумать не мог, что в этом Богом забытом городке, стоящем в центре Сибирской тайги, может оказаться столько военных, да ещё в звании полковника. После короткой разборки нас, студентов, оттерли от места аварии, поставили связистов чинить кабель, причем военных связистов, накрыв место аварии палаткой и установив на время ремонта военнизированную охрану. А отремонтировать кабель – это каждый проводок спаять и изолировать, а потом всё место спаять в защитную муфту. Работы понаделали...

Вечером, на заседании штаба, нашему бригадиру сказали, что в Колпашево расположена воинская часть, которая занимается сопровождением космических кораблей и спутников во время полета, а тот кабель, который мы так ловко порвали, оказался кабелем связи с центром управления полетами, находящемся под Москвой. Именно по этой причине нам было поручено копать канавы вручную, а тяжелый колющий и рубящий инструмент применять запрещалось. Каким образом эту аварию нам простили, остается только гадать.

Возможно, в это время никого в космосе не было, всё – таки это было только начало семидесятых годов, а кабель отремонтировали очень оперативно. Только нашу бригаду, от греха подальше, отправили в соседний поселок Тогур, где располагался огромный лесозавод, а людей не хватало. Мы прибыли на помощь лесовикам.

Наша бригада в количестве двенадцати бойцов строительного отряда «Механик» поселилась вместе с такими же студентами, только лесотехнического техникума. Те, можно сказать, работали по специальности, но их работа всё же больше походила на производственную практику. Они работали очень близко к своим будущим специальностям, а вот нам пришлось всё осваивать в новинку.

Сам поселок Тогур представлял из себя старинное село, довольно большое со школами, клубом, стадионом, кафе и действующей церковью. Осмотрев в течение часа все основные достопримечательности нового для всех нас населенного пункта, мы пришли на своё, временное место работы для оформления. Процедура не затруднительная, тут же мастер нас разделил на три группы и сказал, что завод работает в три смены, поэтому мы тоже будем работать в три смены на сортировочном столе.

Первая наша четверка заступила на работу в этот же самый день с четырёх часов дня до полуночи, её должна сменить вторая четверка, которая будет работать до восьми утра, ну а за ней третья четверка. И так по кругу пока голова не закружится.

Я попал в число тех, кто заступал сразу.

Знакомство с сортировочным столом мне не понравилось.

Работа заключалась в том, что большая распиловочная машина пластала крупные брёвна на доски, эти доски из – под пилы машины сыпались градом на транспортёр, который вытаскивал доски уже на сортировку. Странно, но на сортировке работали одни только бабы. Извините, но после вступительной речи бригадирши, назвать её женщиной просто не поворачивался язык. Так вот она, в своей пламенной речи нам пояснила, что с транспортера, нужно весь лес разобрать по сортам и сложить у сортировки на земле в стопки. Последнее по расположению на сортстоле рабочее место ответственно за сбор не сортамента, а проще говоря обзола, горбыля, коротышей и прочего деревянного мусора. Его тоже необходимо собирать в стопки, так как вывозит всю продукцию лесовоз. При этом бригадирша предупредила, что первый раз создадим завал, они нам помогут его разобрать, а потом хоть умирайте, но завала чтобы не было! При завале остановят транспортер, а от этого зависит их зарплата. Это я рассказывал так долго, а она умудрилась свои «мысли» вогнать в два – три очень выразительных и емких слова, чередуя их местами.

Как делается сортировка и укладка леса, одна из работниц показала и ушла собирать хорошие доски, а мы начали с того, что сразу создали завал. И как это тётки так ловко укладывали длиннющие и тяжеленные доски в стопки, которые не разваливались?

У нас стопка развалилась на высоте сантиметров сорок, а собрать её было необходимо метра полтора! Пришлось её всю

разбирать и составлять заново. Время потеряли, наш конец транспортёра завалило не разобранными обрезками...

Тётки тут же нам сказали, что о нас думали, встали вместе с нами на разборку, а когда всё разобрали и они пошли по своим рабочим местам, предупредили, что следующий раз нас пустят под распиловочную машину!

Слова возымели магическое воздействие моментально! Мы им как – то сразу поверили и больше такого не допускали уже до конца работы на лесозаводе.

В этом месте не мешало бы сделать не большое отступление от всего повествования и рассказать о тех благах, которые несли с собой студенческие строительные отряды.

Ещё на стадии формирования в состав всех отрядов обязательно включали подростка из числа «трудновоспитуемых». Эти ребята, как правило, из неблагополучных семей. Они имели приводы в милицию и чаще всего состояли там на учете, постоянно ощущали материальный недостаток в семье. Так эти ребята ехали вместе со студентами, проживали с ними вместе. Одинаково работали всё лето, так что хулиганить им было некогда, а по окончании сезона получали наравне со всеми бойцами отряда студентов. Так ССО занимался воспитательной и благотворитель -ной работой.

Но помимо основной работы, после которой оставались построенные объекты и перевоспитанные оболтусы, студенты вели культурную деятельность среди местного населения, устраивая тематические лекции, концерты художественной самодеятельнос -ти и агитбригад. Поэтому студенты всегда были желанными гостя -ми в родной глубинке.

Итак, вернёмся к нашему пребыванию в Тогуре. В то время, пока первая бригада втягивалась в производственный процесс, две другие бригады, которым всё ещё предстояло пройти по нашему пути, гуляли по поселку.

Для томского Севера Тогур оказался довольно благоустроенным и примечательным. На стене поселкового клуба мы нашли мемориальную доску, в которой значилось, что с такого – то по такое – то время здесь отбывал политическую ссылку пламенный революционер, соратник В.И. Ульянова (Ленина), Я.М. Свердлов. Здесь мы моментально провели аналогию с собой, и мы себя в шутку назвали политическими ссыльными, которые отбывают здесь срок наказания, правда совсем за другую провинность. Как не странно, эта новость моментально, без нашего участия, дошла до руководства стройотряда «Бонифас», в чьи пенаты мы прибыли. И она же

привлекла к нам особое и пристальное их внимание. Скорее всего, это нам помешало помимо основной работы подрядиться на выполнение ещё одной,

как мы предполагали, более денежной.

Дело в том, что, гуляя по поселку, ребята обратили внимание, что у имеющегося храма довольно обшарпанный купол, зашли к настоятелю и предложили отремонтировать и покрасить кровлю.

Наше предложение батюшку заинтересовало, но он сказал, что подобные решения принимает Совет церкви, который распоряжается деньгами, а состоится он в четверг, через день.

Наши парни посидели у батюшки в саду, попили чаю с угощениями и распростились до четверга. А уже в среду к вечеру мы увидели бригаду строителей – армян, которые выполняли облюбованную нами работу.

Мы – то прекрасно понимали, рассказывать, что мы студенты, а соответственно комсомольцы, батюшке нельзя, чтобы не подставить его и самим не подставиться, но нас успешно «засветили», по – видимому, руководство наших соседей.

Кому и что они ещё про нас рассказывали, неизвестно, но только мы недолго проработали на лесозаводе. Дней через десять нас направили в помощь селу. По соседству с Тогуром находился совхоз «Север» и ему необходимо было помочь с заготовкой сена.

Прямо здесь, на заводской пристани у лесозавода нас усадили на катерок и отправили по реке Кеть в сторону заливных лугов совхоза. Это вниз по течению реки.

Катерок достался очень примечательный. Он не имел пассажирского помещения. В трюме располагалось моторное отделение и небольшая рубка, в которой находился моторист, он же матрос, он же капитан. А нас двенадцать человек разместили на палубе. Но это место трудно сравнить с палубой того же «Патриса Лумумбы». Вся площадь была метров восемь квадратных, а над водой она поднималась всего сантиметров на двадцать. Так что сидя на палубе можно было дотянуться до воды. Но погода была тихая, теплая, вода текла настолько плавно и неспешно, что уподоблялась маслянистой жидкости, след от нашего катера задерживался на воде после нашего прохода и прорезанная в воде канавка подолгу не затягивалась и, если бы не жуткий гнус над водой, то можно было ощутить себя в Раю.

Поход был не долгим. Ещё засветло, выйдя в Обь, мы прибыли на место.

А место было прекрасно! Луга были на столько обширными, что высоченные деревья, обрамляющие поляну, выглядели маленькими кустиками. Не далеко от берега Оби стоял рубленый небольшой домик, означающий полевой стан. В нем, при всём огромном желании, могло расположиться на ночь всего человек шесть. Этих шесть человек, включая повариху, набиралось из местных, поэтому для нас место для сна было определено в сене.

Мы, городские ребята, дети цивилизации, впервые в жизни ночевали в сене: ложе себе изготовили, наносив свежего сухого сена, утоптали его, затем столько же принесли, чтобы можно было накрыться.

По совету опытных местных ребят ложе устраивали подальше от воды... А где это «подальше?» – если кроме широкой водной глади реки, по берегу, как говорится, одно на другом располага

лись небольшие озерца, буквально метров по двадцать – двадцать пять в диаметре. И все озерца соединены между собой небольшими ериками. Вода из одного озерца перетекает в другое, потом в третье и так дальше, а где – то из последнего по очереди вода сбегает в реку.

В конце концов, на ночь расположились поближе к домику полевого стана, утихомирились и попытались уснуть, но не тут – то было! Гнус через защиту из сена пробиться не мог, но гудело вокруг так, будто спать расположились на взлетной полосе аэродрома! Да ещё этот неопиcуемый запах свежего сена, ночного луга, водного тумана... К утру мы совершенно не выпавшиеся, с шумевшей от запахов,

как от выпитого вина, головой, считались отдохнувшими.

Крестьянский подъем летом происходит в пять часов утра. Подражая местным, мы умылись в ерике, там же почистили зубы и готовы были завтракать, но наше внимание привлёк странный моцион, совершаемый трактористом. Он, стоя у берега озерца, что – то тянут из воды.

Подойдя поближе, мы увидели, что он тянет толстенную леску. У его ног уже лежало аккуратно смотанной несколько метров лески, а он всё продолжал её вытягивать из воды, причем с заметным усилием.

И тут из воды выпрыгнуло нечто огромное и с шумом плюхнулось в воду. От неожиданности мы отпрянули от воды. Чем немало повеселили парня. Это была щука, как потом выяснилось, почти на шесть килограммов. Подведя её леской под самый берег, рыбак подвел под жертву подсак и вынул этого «крокодила» на берег. Мы впервые увидели такой улов собственными глазами!

Дальнейшие действия рыбака нас вообще ввергли в ступор. Он тут же поймал на берегу лягушку, насадил её на крюк (то, что на леске было привязано, язык не поворачивается назвать «крючок») и подбросил её высоко вверх над поверхностью воды. Наживка, плюхнувшись примерно на середине водоема начала погружаться и тем самым приближаясь к берегу. Так продолжалось не очень долго, но в итоге, леска оказалась свисшей вертикально вниз от самого берега. На наш молчаливый вопрос местный ответил:

– Здесь никто не пытался измерить глубину, но для ловли щуки метров двадцати хватает.

Подобные действия аборигены полевого стана производили по три раза в сутки: утром, в обед и вечером. Причём улов почти никогда не отличался от предыдущих, они только каждый раз меняли водоем, чередуя меж собой самые близкие к стану. На полевом стане не было никакого холодильника, да и

откуда ему взяться, если даже на горизонте не было видно ни одной электрической опоры, поэтому сюда и не привозили мяса и скоропортящихся продуктов. Вся местная кухня зиждилась на живущих в озерах щуках. Из отловленных щук повариха готовила супы, борщи, котлеты, жаркое... Короче говоря, всё, на что хватало её фантазии, только никогда не готовила жареную рыбу. И вот однажды мы сумели порадовать нашу повариху, и она приготовила горячо любимую ею жареную!

В один из вечеров, после работы, пока было ещё светло, кто-то один из наших ребят остановился над ериком с недоумённым видом. Долго всматриваясь в мелкую воду, соединяющую меж собой озёра, он сказал:

– Ничего не понимаю! Что это такое?

Все собрались около него и тоже начали рассматривать протекающую воду. А там что-то одинаковой длины, диаметра, шевелящееся, да ещё и определённо сориентировано...

И тут озарение! Да это же щурята, все совершенно одинаковой величины, плотно расплотившиеся в ерике как карандаши в коробке.

Взяв в руки по куску лески связанной в виде простого силка, мы надергали из воды огромное количество щурят, чем очень обрадовали и ублажили повариху. Она сама наелась и нас всех накормила настоящей вкуснятиной! А самое интересное, что при этом количество щучьего потомства заметно не убавилось, так как на место каждому отловленному щурёнку вставал другой плотно – плотно, оставляя картину в первозданном состоянии.

Работа на полевом стане для нас заключалась в том, что заранее скошенное и уже просушенное сено тракторист вязальной машиной собирал в тюки, а мы должны были эти тюки по полю собрать и уложить в стога. Это занятие проще, нежели собирать в стога рассыпанное сено. Вся трудность заключалась в том, что эти тюки необходимо стаскивать к одному месту, а они, надо сказать,

не легкие.

Заливные луга полевого стана были огромны, и к месту сбора стогов от полевого стана идти километров четыре – пять. А потом ещё собирать сено... В общем, пока доберёшься пешком, уже сил на работу не остаётся. Потому тракторист, парень молодой, лет восемнадцати, нам предложил:

– Могу вас на тракторе к месту работы подвозить, правда, телеги у меня нет, поэтому кто на тракторе поместится, того подвезу.

Вы, когда – ни будь видели человека, которому предлагают подъехать, вместо того, чтобы идти пешком, а он, по какой – либо причине отказался? Вот и я таких среди нас не увидел.

Но при этом надо сказать, что кроме тракториста на этой машине должны были уместиться ещё двенадцать человек!

И что вы думаете? Уместились! Четыре человека сидело на крыше кабины. Двое вперёд лицом. Двое назад. Четверо ехали стоя сзади на сцепке трактора. Остальные, включая тракториста, набивались в кабину.

Кто за что держался, чтобы не свалиться – одному Богу известно, но сила привычки притупляет страх.

Если первый раз все ехали верхом на тракторе очень сосредоточившись, и тракторист был предельно аккуратен и осторожен, то с течением времени, пообедав, и, выдвинувшись, по привычке верхом на тракторе на рабочее место, стали под равномерное тархтение двигателя трактора буквально засыпать, да и тракторист осмелел и ехал по лугам на довольно большой скорости. Так что на одной из дорожных кочек трактор так подбросило, что двое из сидевших на кабине вспорхнуло вниз. К ним присоединился и один из тех, кто ехал на сцепке.

Испуганный тракторист тут же остановился, все бледные от страха спустились на землю к тем, кто там оказался раньше остальных и не по своей воле. Пострадал, на радость всем, только один, да и то не страшно. Тот, который слетел с сцепки. При своём кульбите он сильно ободрался об торчащий болт. Борозда глубокая, но, почти не кровоточащая, пролегла по диагонали от плеча до низа живота. Двое других рассказали, что умудрились проснуться во время своего полета с кабины до тракторных гусениц, при этом сумели оттолкнуться от движущихся трак и отскочить в сторону! И как всегда, когда резко спадает сильное напряжение или страх, то наступает период «ржача».

«...а я вдруг вижу, во сне, что лечу куда –то вниз! Открываю глаза и правда лечу, даже ещё ничего не понял, только вижу, что очень быстро приближается гусеница. Ну, думаю, – кирдык мне! Надо бежать, почему бежать, куда бежать – не знаю, просто так подумал и побежал. Оказалось, вовремя ножками задрыгал. Так прямо по движущейся гусенице пробежался и в сторону прыг! Смотрю – лежу, а трактор едет мимо меня!»

Это своими впечатлениями очень эмоционально делится Диль.

Стрессово – шокое состояние всех остальных просто мелочь по сравнению с Витиным возбуждением. В это время все обратили внимание на бледного тракториста, плавными движениями покидающего своё водительское место. Он ещё не понял, что всё обошлось малым испугом для всех нас, включая его самого. Пришлось sprыснуть его теплой питьевой водой из тех запасов, которые взяли с собой на место сенокоса.

Постепенно порозовев тракторист, очень молодой парень, моложе всех нас, очень высокий, статный, да и просто красивый, вначале стал глупо улыбаться, потом смеяться, а затем на него напал просто истерический смех.

Вот когда стало по-настоящему страшно! Он метался вокруг трактора, похоже, искал раздавленное тело, потом стал бежать в медпункт, до которого, кстати, были немеренные километры, затем решил, что ему нужен директор совхоза, чтобы доложить о случившемся...

Два – три человека, которые пытались его остановить и успокоить отлетали от соприкосновения с парнем как камушки от скалы.

И только когда по команде мы все двенадцать человек одновременно навалились на эту природную махину из мышц и сгусток силищи, оказавшуюся в шоковом состоянии, мы сумели его повалить и, придавив всем нашим общим весом к поляне, сумели удержать парня пока он не успокоился.

Быстрый тормоз, применённый к трактористу, практически мгновенно поверг его в глубокий сон. Так он проспал четыре часа. Мы за это время отошли от случившегося, пошарив по окрестностям, нашли бревенчатую волокушу и впредь на работу и обратно ездили на ней, прицепленной к трактору. А тракторист, после глубокого четырехчасового сна, проснулся, посчитав, что уже утро и нам пора ехать на работу (странно, но при этом завтрак он, почему – то решил пропустить, хотя раньше за ним такого не наблюдалось). Мы кое – как сумели его переубедить, объяснив, что сейчас вечер, время возвращаться на стан для ужина. Нехотя он

нам поверил. Так этот рабочий день завершился, но наши приключения, связанные с этим трактористом, ещё не окончились.

Рабочая неделя, на которую нас отправили на помощь селу, завершилась. Мужики нашей работой были довольны, мы сдружились и даже на субботний вечер получили приглашение в посёлке с ними «посидеть», а потом сходить на танцы. Кстати, сказали они, у нас стоит тоже отряд студенток – девчонок, кажется «Синильгой» называется. Строят коровник. Вот в обед придет катер и всех заберёт, в поселке на танцах и познакомитесь. О! «Синильга», это отряд девчонок – политехников химико – технологического факультета. Если доведётся побывать в вашем селе, то обязательно зайдём в гости! Поработали до обеда, больше ни мы, ни местные не стали, чтобы

не опоздать на катер. Мы покидали эти сказочные места

навсегда, поэтому собрали все свои вещи, проверили наличие документов, и сели в ожидании...

Катера всё не было, а время шло. Наш знакомый тракторист прикинул в уме что – то нам неизвестное и заявил:

– Похоже, сегодня транспорта не будет! Возможно придет завтра. Поэтому, чтобы не опоздать на танцы, я иду домой пешком. Могу вас прихватить с собой. Но идти пешком по тайге километров пятнадцать, поэтому двигаться буду быстро, кто готов тот может идти со мной, но предупреждаю, что останавливаться на отдых не буду, кто отстанет, того дожидаться тоже не буду. Пусть идет один!

На эти условия мы все согласились, а местные мужики заявили, что им всё одно где отдыхать, здесь даже лучше. И, хотя бутылочки нет, но зато жен тоже нет! Они остаются на стане.

И вот мы идем по тайге! Можно ли с Сибирской тайгой сравнить Амазонию – не знаю, но заросли, переплетенные, где вьюном, где хмелем были совершенно непролазными как в джунглях. Величественные деревья, поросшие сплошным

кустарником смородины, акации, молодой подлесок из берёзы и осины, осока в заболоченных местах выше человеческого роста, стволы борщевика, веха, чертополоха диаметром с руку, которые под нашим весом не то что не ломались, а у нас не хватало сил и веса, чтобы их отогнуть! А ведь там ещё необходимо как – то ориентироваться!

Но местный парень ориентировался в лесу как хозяйка на собственной кухне. Он, с учётом знания направления движения и его мощи, шёл первым, именно шёл, а мы все остальные за ним бежали бегом. В лесу повышенная влажность, тёплый безветренный вечер... В такую погоду вся влага, покидающая организм на совсем его не покидала, а осаждалась на теле, промачивая всю одежду. Запах образовавшегося пота не давал поднятому из травы и кустарника гнусу покидать столь лакомое место и все комары, мошкара, паузы, слепни, оводы кидались на нас как на свою жертву, чтобы напиться от нас вожделенной кровушки. И они не покидали свои заветные места, пока их не стонишь или не размажешь по телу, потому что над нами висела

целая галактика, состоящая из этих ненасытных тварей, и только ждала появления освободившегося места на чьём – либо теле, чтобы впитаться в него своими хоботками или челюстями. Но нам было необходимо идти дальше, ведь условия похода помнили все!

Пройдя таким образом километров семь – восемь, мы уперлись в берег водоёма. Наш вожак остановился, почесал затылок и выдавил из себя:

– Я что – то не подумал, что у нас по пути озеро! Это бывшее русло реки, поэтому озеро узкое, но длинное. Мы находимся примерно посередине, а, чтобы его обойти, надо вдоль берега идти километров двенадцать! По ширине оно метров двадцать пять, но переплывать через него я не полезу. Оно очень глубокое, очень холодное и очень непредсказуемое. Можно напороться на корягу и не выплыть! Что будем делать?

Вот скажите, пожалуйста, что в таком случае ответить? Это местный нам такой вопрос «закатил», а мы – то откуда знаем на него ответ!?

Но ответ пришел сам – собой, точнее приплыл сам – собой! Оказалось, что в этой ситуации у кого – то из нас оказался проворный Ангел – хранитель, или Господь Бог решил выручить из беды всех своих атеистических сыновей.

Короче...

Из – за кустов выплывает мужик на ялике (ни много, ни мало для таёжного озера) – это такая большая лодка! Выплывает и говорит с укором:

– Что это вы здесь расшумелись, рыбачить мешаете!?

Мы ему объясняем, кто мы и откуда здесь взяли, и чего нам бы хотелось, а именно, перебраться на тот берег.

Мужик нам отвечает:

– Значит так, пацаны, я всё понял и вам помогу, но имейте в виду, что я на рыбалке, поэтому кто поместится в лодку – тот переправится. Перевожу одной ходкой. Не поместитесь, будете куковать на берегу, мне некогда, вечерняя зорька начинается...

Мы загрузились в лодку: нас двенадцать студентов, парень – тракторист и хозяин лодки. До воды от верхнего края лодки оставалось не более пяти сантиметров. Благо, что стояло абсолютное безветрие, волн на воде не было совсем. Все сели в лодке как ломы прямо, боялись пошевелиться, последний оттолкнулся от берега, и, не опуская вёсел в воду, мы пошли по инерции к другому берегу. Лодка скользила плавно, но очень медленно и всё время было опасение, что первоначального импульса не хватит дотянуть до другого берега озера.

Но это был «наш день»! Усилия хватило, лодка уткнулась в берег, мы быстрехонько покинули ялик, поблагодарив хозяина, отправились дальше, сохраняя первоначальный темп ходьбы.

Идти стало значительно легче. Во – первых, положительно сказалось удачное разрешение таёжной переправы, во – вторых, расстояние до пункта назначения стало значительно меньше – большую часть пути мы всё – таки уже преодолели, ну и, в – третьих, по эту сторону озера лес был значительно реже, воздух был более прохладным и сухим, поэтому гнуса стало меньше. Вечерело, а стало быть, двигаться в быстром темпе становилось не так жарко и значительно легче... Короче, жизнь вновь приобрела краски и вновь становилась прекрасной и удивительной!..

В таком хорошем расположении духа провожатый довел нас до центральной усадьбы совхоза «Север», привел на мехдвор и тут же исчез. На дворе потемки, никого знакомого, где искать руководство, чтобы просить оказания помощи?

В это время на территорию мехдвора забежал парень в студенческой робе. Он оказался бригадиром отряда «Синильга» химико – технологического факультета. Они и в правду в совхозе занимались строительством.

Поговорив с нами, он пригласил нас к себе в отряд. Стояли они не далеко, дошли мы быстро и девчонки из стройотряда встретили нас как близких. Показали душ, и, пока мы приводили себя в порядок, приготовили нам ужин.

За время нашего отдыха этот же бригадир нашел директора совхоза, рассказал ему про нас и директор, чувствуя свою вину (всё – таки это он не прислал за нами катер на луга), быстренько организовал нашу отправку в Тогур. Так что после ужина девчонки из «Синильги» проводили нас на пристань, и мы под их прощальные взмахи руками и чудную песню, которую они пели как лирический гимн своего отряда, отвалили от берега. Мотор выделенного нам плавсредства работал негромко, поэтому далеко – далеко над рекой слышалось девичье пение:

Росу золотую склевала синица
Над сонным болотом клубится рассвет
Мы снова уходим,
и снова Синильга Берёзовой веточкой машет нам в след.

Куда мы уходим, и кто же нас гонит
Куда же влечёт нас лихая судьба?

Мы встретимся снова в пустынном вагоне

И ты улыбнёшься: «Привет, старина!»

Мы вспомним, как раньше с тобою дружили
Как слали проклятья бродячей судьбе
Мы стали иными, мы стали другими
Но не изменили мы сами себе.

Ребята, ребята! Я буду не в силах
Забыть удивительный этот рассвет.
Ведь только однажды, однажды
Синильга Берёзовой веточкой машет нам в след.

На сей раз нам досталась шаланда метра четыре длиной и около метра шириной. Оснащена она была рубкой с двумя деревянными продольными лавками, лобовым окном с выбитым стеклом, мотором в трюме, штурвалом снаружи.

Какова была грузоподъёмность этого корыта сокрыто великой тайной, но когда капитан, он же моторист, он же матрос, он же рулевой, он же царь и Бог в единственном экземпляре, разговаривающий только матом и, как истинный морской волк хриплым голосом, запустил нас на свою шаланду, то она осела до невозможного предела. От верхней палубы до воды было с десятков сантиметров! И если на лодке рыбака нам при сильной её осадке необходимо было проплыть всего – то порядка двадцати метров

поперёк озера, то здесь предстояло плыть вверх по течению и ещё не мерянные километры! Но капитан судёнышка вёл себя по – деловому.

– Пацаны, ...ь, сели... вашу мать, ..., на лавки поровну и ... ни гу – гу!

– Шевелиться, ...ь, нельзя! Кто будет прыгать, ..., своими руками на ..., за борт, ...ь!

Тут поневоле согласишься! Мы расселись на деревянных лавках по шесть человек в ряд, правда там могло разместиться не более чем по четыре человека, и тронулись в путь.

На берегу уже стояла ночь, а на реке ещё кое – что просматривалось, но нам было не до красот Оби. После столь утомительного пешего путешествия, душа и кормёжки всех начал «рубить» сон, но на чеку был наш капитан! Как только заметил склоняющиеся головы, начал тут же кричать:

– Не спать на ...! Я сказал, ... сидеть ровно, ...б вашу мать! Перевернуться хотите на ...!? ...вашу мать!

После его дикого, хриплого пропитого мата сон отлетел как не бывало.

А дальше, при всём большом желании заснуть, ни чего бы не получилось, так как ночь напозла крошечной тенью на реку, воздух резко остыл, по реке пошёл сильный туман (всё – таки был уже август), который хлопьями залетал в разбитое окно рубки, а весте с туманом туда же попадали тучи гнуса, которого над водой ночью не меньше чем днем в лесу. С учётом запрета нам двигаться, процесс борьбы с гнусом выглядел очень потешно:

Сидишь и терпишь усевшихся на твоё лицо, уши, шею кровососущих, поедающих твою живую плоть тварей, потом ладонями обеих рук медленно, как в замедленном кино, прижимаешь всю эту мерзость к собственному телу и так же медленно размазываешь их, сбрасывая ошутимый кусок мяса. Руки при этом не выходят за пределы площади тела.

И так всё время. Немного погодя от пробирающего холода стало так трясти, что вибрация должна была по децибелам превышать вибрацию работающего двигателя!

В эдакой темноте кроме воды непосредственно у бортов, больше ничего не было видно. Поэтому не удивительно, что в скорости нос нашей шаланды во что – то воткнулся, а все мы двенадцать человек вмялись в стенку рубки до толщины одного человека, освободив пространство в половину рубки. А верхом на нас оказался лежащим наш капитан, хорошо различимый по запаху перегара, хриплому голосу и выражениям...

– ... твою ... напоролись ... на ... мель, чтоб ей ... ! Какого ... лешего лежите?! Мать вашу...! Все живые ... спрашиваю!? Дохлых за борт ..., а то пока дойдем ... завоняют! Ха – ха – ха!

Прямо сажем: черный юмор у нашего капитана!

А может быть и впрямь кого – ни будь раздавили? Ведь на передних сидящих давили не много ни мало по пять человек, наехавших по инерции, а стало – быть пресс оказался дай боже, не считая придурошного капитана, улёгшегося сверху на всех нас!

Но и впрямь всё снова обошлось благополучно, никто не пострадал! Но, что же делать дальше, сколько сидеть на мели?

Капитан даёт команду нам всем.

– Вы сейчас будете равномерно раскачивать катер влево – вправо, а я дам задний ход!

Нет! Ну не слабая так команда! То запрещал пошевелиться, чтобы не опрокинуться, а тут раскачивайте... Да мы же запросто зачерпнём краем воды и осядем ниже застрявшей шаланды!

Но, делать – то всё равно нечего! Ждать, когда придет спасение и кто – то нас сдернет с отмели – не реально. Тем более застряли мы на впадении Кети в Обь, а в таких местах несёт громадное количество песка и ила. Нас может в считанные минуты так заилить, что спасателю нас не сдернуть потом!

По команде мы начали раскачиваться влево – вправо. Лёгонький катерок слушался безропотно наших телодвижений, а включённый на полную тягу задним ходом двигатель быстро сделал своё дело. С мели мы снялись и пошли ровным ходом уже по Кети до Тогура. Хо́да нам оставалось около часа.

И вот мы на берегу, очень близко к цивилизации. Но до неё ещё двенадцать километров по асфальту.

Время на часах пять утра. Первый автобус в посёлок Тогур, куда мы прибыли, из Колпашева отходит в семь часов, но это в будние дни, а сегодня воскресенье и когда будет автобус мы не знаем.

Начнём считать. Даже если он пойдёт по обычному графику, то в семь он выйдет из Колпашева, тридцать минут на дорогу сюда, тридцать минут обратно, да ещё отстаиваться на стоянке обязательно будет, получается, где – то в половине девятого мы окажемся в городе, потом по городу добираться до Песков ещё минут тридцать. Итого часикам к девяти, раньше не получится оказаться в «стойбище». А если пешком, то двенадцать километров, мы запросто пройдем меньше чем за три часа и дома окажемся раньше, даже на завтрак успеем!

Сказано – сделано! Мы двинулись вновь пешим порядком, но теперь уже по ровной асфальтированной дороге, по утренней прохладе, и с утренним же отсутствием гнуса, который к началу жаркого дня прячется в траву и кусты.

Что значит молодость! После такого не лёгкого похода, длившегося всю ночь, сейчас бы упал на диван и неделю не вставал, а тут ноги несли ещё быстрее прежнего.

Похоже всё нутро ощущало окончание злоключений и приближе – ние стоянки и отдыха в нашем строительном отряде. Так мы ещё и по сторонам что – то успевали увидеть.

Мы шли по дороге, а по её обе стороны располагались поля самого северного в нашей стране опытного садового селекцион – ного хозяйства. Ровными, длинными рядами стояли кусты синие от созревающей жимолости, а следом, уходящие в даль гряды клубники. Вот ведь

было время, в которое довелось пожить! Обширные ягодные поля стоят себе без забора, без охраны, без следящих систем и никто на них не покушается!

Отвлекаясь на эти красоты, путь завершили незаметно.

Вот мы уже в городе! Не забыл глянуть на часы. Мы дошли до места за два с половиной часа! На этой окраине города остановка, с которой идет автобус через весь город на другой его конец, куда мы и стремимся попасть, начиная с обеда вчерашнего дня.

А вот и транспорт! На автобусе через тридцать минут мы уже были в своём лагере и, вообще, успели к началу завтрака.

За едой мы узнаём новость!

Оказывается, наши работодатели выдали отряду аванс за выполненную работу, и штаб вчера вечером предложил всему отряду на выбор следующие варианты: либо заканчиваете работу, получаете аванс и едите отдыхать, либо желающие заработать больше остаются. Берут ещё один объект и пока не закончат – работают. При этом, может быть даже придётся несколько опоздать на занятия, ну а каникулами уж точно надо жертвовать!

Второй вариант меня не устраивал. Поэтому, закончив завтрак, я пошел в штаб, доложил о своём прибытии и принятом решении. Получив аванс в размере ста рублей, и быстро собрав вещи, поехал в аэропорт.

На выходе из автобуса меня встретило объявление по аэропорту:

– Желающие вылететь в Новосибирск рейсом таким – то, в кассе имеется свободный билет!

Он меня дождался, и я приехал! Да! Это был на самом деле «мой день»! Через два с половиной часа я уже приземлился в аэропорту Томачёво города Новосибирск и здесь меня продолжал преследовать «мой день», так случилось небывалое для нужного для меня направления полёта.

За все случаи моих поездок предпринимаемых через Новосибирск ни раньше, ни позже в направлении Средняя Азия, Казахстан билетов не было. Нужно было брать заранее билет, заказывать бронь на нужный рейс, ждать неделю и, чаще всего, получить отказ! А тут совершенно безнадежно я подошел к кассе транзитных пассажиров поинтересоваться местами, а мне говорят, что одно место, но только до Караганды на рейс Новосибирск – Караганда – Фрунзе имеется! А мне во Фрунзе и не надо, мне в Караганду и вполне хватит одного места! А если судить по личному весу и отсутствию багажа, то и полбилета меня бы устроили!

Подождав своего рейса часов шесть – семь на приподнятом настроении (ведь билет с местом на вожеленный рейс был у меня в кармане), я лечу домой!

Лететь над Казахстаном тоже интересно и красиво! Если над Сибирью под крылом реки, озёра, болота и тайга, тайга, тайга... Зелень, приукрашенная блестящей бриллиантовым блеском воды рек и озер, то казахстанские степи смотрятся как огромное полотно – нище, разукрашенное разноцветными квадратами распаханых, засеянных, созревающих полей.

Только, к сожалению, мой полёт проходил уже поздним вечером, и в этот раз всей этой прелести увидеть не удалось. Ни чего страшного! Зато я уже в Караганде, а время половина двенадцатого вечера!

До дома осталось доехать на автобусе.

Городок Абай, куда я так стремился, находится южнее Караганды километрах в двадцати пяти и на маршрутном автобусе можно доехать минут за сорок пять. Вот только одно «но»! Маршрутные автобусы заканчивают ходить в 23 часа.

Но на радость, таким как я ночным пассажирам, пустили дежурные автобусы, которые идут не с автовокзала, а прямо из аэропорта по городам – спутникам, которых довольно много вокруг областного центра. Они собирают прибывших с разных ночных рейсов и в три часа отправляются каждый по своему маршруту.

На рассвете, без десяти четыре, я постучался в родительский дом!

Ожидаемая ими радость встречи с сыном превратилась в полнейшую неожиданность. Ну, ни как они не могли рассчитывать, что я в этот день, да ещё ночью, приеду!

После того как все немного успокоились, покормили гостя, легли досыпать.

Я лежал и думал:

Что же за день такой, что родители мечтали, но не ожидали меня увидеть сегодня?

Сегодня завершилось воскресенье... А! Ведь воскресенье был 18-тое августа! Мой день рождения! Вот почему весь день был «моим днём»! И я заснул! Спокойной ночи! Или уже доброе ут...

Глава 3

Сто причин попасть в больницу.

Верно, когда – то сказал М.М. Зощенко:

– Человек не кошка. Ко всему привыкает!

Когда в процессе учёбы тебя каждые полгода ожидает сессия со сдачей от четырёх и до бесконечности экзаменов, то, в конце – концов, к этому привыкаешь и ожидаешь её уже не столь обречённо, как на первом курсе.

Поэтому по ходу учёбы в каждую сессию случалось, что – ни будь не ординарное, но ярче всего врезалась в память первая сессия. Сдавать приходилось, в основном, общеобразовательные предметы, мало чем отличающиеся от школьных. Только изучались они более углублённо и с несколько иным подходом, чем в школе.

Наша группа сдаёт математику, физику, начертательную геометрию, историю КПСС и приближается последний экзамен, от которого внутри всё замерзает могильным холодом – химия.

Неизвестно почему наш преподаватель решил, что мы знать химию должны лучше выпускника химического факультета, хотя нам читали химию всего один год.

А, возможно, он решил свой недостающий опыт чтения лекций (он только первый год этим занимался) компенсировать более строгим спросом, но только все наши сокурсники, которые сдавали этот предмет до нас, отличились поразительным незнанием химии.

Каждая группа из двадцати пяти человек получала в итоге от восемнадцать до двадцати «неудов», остальные даже ни одной четверки не получили!

В конечном итоге такой «успешной» сдачей экзамена по химии очень заинтересовался наш декан факультета.

И это же надо, как благосклонны оказались учебные Боги, что за несколько дней до нашей сдачи, лично декан пришел на экзамен одной их групп и по ходу экзамена он сделал «корректировку» оценки уровня знаний его студентов!

Когда грянул наш экзамен по этому предмету, мы себя уже чувствовали значительно увереннее и показали результаты вполне приемлемые. Даже не помню: был ли у нас хоть один «завал».

А, поскольку остальные предметы наша группа сдала на вполне приличном уровне, то среди групп первого курса факультета мы оказались самыми успешными.

Физику нам читал преподаватель, который по возрасту от нас ушел не далеко, от силы лет на восемь, но он был уже кандидатом физмат наук, предмет знал и понимал очень хорошо, поэтому и лекции его были очень интересны, нестандартны и просто притягивали к себе студентов. Уж чего – чего, а проблемы с посещаемостью у него, точно не было. Редко кто пропускал его лекции, да и то по уважительным причинам. Но на протяжении всего учебного процесса он нас предупреждал, чтобы физику учили, потому, что списать, никому не удастся!

Как же он заблуждался!

Да! На самом деле он, принимая экзамен, рассаживал всех только за первый ряд парт, при этом предварительно проверял, чтобы в партах не было ни то, что лекций или учебника, но даже чистой бумаги.

В самом деле, парням списать было почти невозможно, хотя нашлись «виртуозы» своего дела и списали прямо перед носом у экзаменатора с его же лекций.

А вот девочки, те, вообще, превратили свои красивые ножки в места для шпаргалок. Даже точнее сказать, для записей.

Все самые привлекательные места были покрыты сплошь и рядом мелкими убористыми записями всего курса физики.

Возможно бедняга – преподаватель и видел, откуда девочки черпают свои ответы на вопросы билета, но назвать это место он просто стеснялся!

В итоге, с начала экзамена он просидел за своим преподавательским столом, не вставая, и дал возможность даже парням списать.

* * *

Очередной кошмар нас ожидал на экзамене по истории КПСС.

Нет, сам предмет был не сложен, да и «первоисточники» мы изучали постоянно, поэтому в трудах классиков марксизма – ленинизма плавали достаточно уверенно.

Сложность была в политических взглядах преподавателя.

Он был «сталинист», а по курсу истории была глава, посвященная разоблачению культа личности И. В. Сталина.

По старой студенческой легенде, тот, кому попадался этот вопрос на экзамене, мог сразу готовиться на переэкзаменовку. Дело в том, что если при ответе, опасаясь задеть чувства преподавателя, ты не будешь в достаточной мере критиковать политику культа личности, то экзаменатор обвинит тебя в политической незрелости, не понимании линии партии на демократизацию нашего общества.

Но, за то, если ты переусердствуешь в критике внутренней политики государства в период середины тридцатых годов и по самый конец пятидесятых, то, значит, ты недопонимаешь деятельность и заслуги партии в деле индустриализации и коллективизации народного хозяйства, победы над фашизмом, восстановлении послевоенного хозяйства.

Понятно, что при ответе нужно было балансировать на тонюсенькой ниточке, чтобы не «загреметь под фанфары».

Из всех нас этот билет достался мне.

При ответе я дважды нарывался на недовольный комментарий моего ответа. Пришлось рассказать содержание трех работ из изучаемых классиков.

И всё же он сидел в тяжёлом раздумье. Как потом я сам решил: меня спасла отличная оценка, полученная «автоматом» в первом семестре. Думаю, иначе был бы к нему второй заход за положительной оценкой.

* * *

Наверное, нас не обманывают, что климат меняется на планете, в том числе в Томске.

В семидесятые годы мы застали здесь очень короткое, но жаркое лето и очень длинную и очень холодную зиму.

В холодные месяцы становилось холодно везде: на улице, в общежитии, в магазинах, кинотеатрах и учебных корпусах тоже! Даже в старых учебных корпусах, построенных ещё при царе – батюшке, когда никто даже и не думал, что со стройки можно увезти пару – тройку подвод кирпича на свою заимку, а также цемент, песок для раствора и там из «сэкономленных средств» построить себе дворец, в такие дни становилось просто невыносимо холодно. Что уж говорить о новых корпусах, построенных с применением удешевляющих технологий. Они промерзали, а в ветреную погоду ещё и продувались. Шариковые ручки отказывались писать,

и, чтобы записывать лекцию, их приходилось постоянно греть своим дыханием. А студенты без накинутого на плечи пальто высидеть не могли и одной пары.

Наш же, основной учебный корпус, где находился деканат факультета, был из числа новых корпусов. Зимой там плюсовую температуру удержать было не реально! Придя на занятия, мы даже не снимали с себя пальто и шубы (у кого что было) и прямо в таком виде слушали и пытались записать лекции.

Практические занятия проходили в значительно меньших по размеру аудиториях, поэтому в них было теплее и на такие занятия мы сбрасывали с плеч верхнюю одежду и выглядели уже нормальными студентами, правда сильно замерзшими и поэтому откровенно синего цвета.

Вот на таком занятии я обернулся через плечо назад и замер в этом положении от поразившей меня картины.

На фоне синих от холода лиц моих одноклассников выделялось ярко зелёным цветом лицо Саши Шишкина. Он сам, при этом вёл себя совершенно адекватно, решая выданные нам задачи по математике.

С трудом дождавшись перерыва, я подошел к Саше и спрашиваю его:

– Саша! Ты как себя чувствуешь? Не болит ничего? – Нет, говорит он. А в чем дело? – Пойдем со мной, говорю, и веду его в туалет, где в курительной комнате висит старое, грязное, заплывшее ещё предыдущими поколениями студентов зеркало.

Подошли к месту, откуда видны наши отражения. Я встал рядом с Шишкиным и говорю_

– Смотри! Разницу видишь?

– Да! А в чем дело? Что со мной?

– Ты знаешь, какой цвет получится, если смешать краски желтого и синего цвета?

– Нет!

– Зелёный!

– Ну и что?

– Когда мне было года четыре, и рос я в Казахстане, то там в то время была эпидемия желтухи. Многие болели, особенно дети. Говорили, что это из – за воды. Плохая очистка водопроводной воды была. Так вот во время болезни я был желтый как яичный желток. При этом каких – либо болезненных ощущений у меня не было, но это печень болеет и если не лечить, то быстро атрофируется и потом может оказаться поздно. Так я тебе скажу ещё, что болезнь эта раньше не считалась заразной. А потом обнаружили её заразность.

– Понял! А я, то здесь при чём?

– При том, что все ребята от холода посинели и это видно, и ты тоже посинел, но твой естественно синий цвет смешался с неестественным желтым. Вот и стал зелёным!

– Понял! И что теперь делать?

– Ты после занятий сходи в межвузовскую поликлинику, там тебе точно скажут, что делать.

Занятия окончились, мы все дружно пошли домой в общагу, а Саша, как и договаривались, пошел в поликлинику.

Прошло часа полтора, как он должен был вернуться, но его нет, прошло ещё часа два – всё нет Саши.

А ведь никто, кроме меня не был в курсе, куда он подался после занятий.

Когда время подошло ко сну, а Шишкин так и не объявился, я рассказал всю дневную историю. Кто – то вспомнил, что в Томске у него проживают какие родственники – ники. Он их навещал изредка, но, правда, ночевать никогда не оставался.

Дождавшись утра и придя на занятия, мы убедились, что Шишкина нет!

Значит, мы пришли к выводу, что всё – таки я оказался прав: Саша заболел, и после занятий мы его найдём в больнице и проведем.

Оказалось, что это задача не простая! В студенческой поликлинике нам сказали, что такого в стационар студенческой больницы не направляли.

Да и не направили бы, потому что это болезнь заразная, а стационар для инфекционных больных находится в клиниках мединститута по улице Савиных.

Это от студгородка не далеко, но в другую сторону от места, где мы находились, зато совсем рядом с нашими учебными корпусами.

Добравшись до клиник, мы получили просто от ворот поворот. В инфекционном отделении посещения не разрешены, передачи не положены, но зато мы убедились, что наш товарищ находится именно здесь на лечении. Направили его очень своевременно, поэтому скорее всего, через сорок дней он выпишется из больницы, а вот если бы запустили, то больного «упекли» бы на два месяца!

После курса интенсивного лечения кое – что ему разрешили в качестве передачи, но обратно от него мы ничего не получим, таковы правила! А, придя домой, мы обнаружили, что нас дожидается целый медицинский десант.

Вначале эти медики произвели полную дезинфекцию нашей комнаты, потом всех насильно посадили в машину и увезли с собой на проверку.

Слава Богу, наши анализы показали нашу непричастность к Сашиной болезни, а он, после лечения, которое действительно закончилось через сорок дней, вынужден был уйти в академический отпуск.

А за год до этого такая же участь повисла над моей шеей, но решилась благополучно.

А дело было так.

Для занятия физкультурой ещё в самом начале учёбы я записался в секцию футбола. Занятия проходили по расписанию в дни физкультуры, а она у нас была первой парой и проходила на стадионе, расположенном в Лагерном саду, а это самый берег реки Томи.

Что это значит, я поясню.

Если на открытом воздухе занятия проводились до температуры -30, а контрольный термометр находился на кафедре физкультуры в одном из учебных корпусов, расположенных в городе и показывал такую температуру, то на стадионе мороз был градусов на пять ниже, да ещё с реки постоянно тянуло ветерком! Жалея нас тренер иногда в такие дни занятия не проводил, но предупреждал, что когда потеплеет, то все коллективно будем «отрабатывать».

Наступил день «расчёта».

Собрав всех нас, тренер бросил нам футбольный мяч и сказал:

– Вам три часа играть в футбол, и пошел оформлять документацию.

День был тёплый и снег под нашими ногами быстро утоптался и раскатался. Ведя мяч, я заложил финт, при этом мне под ноги подкатился соперник, попав мне в опорную ногу. Я неловко упал с высоты своего роста всем телом на вертикально вставшую на площадку мою руку.

Удар оказался сильнейшим!

Рука подломила в кистевом суставе, и кисть плотно примкнула к предплечью.

Травмированное место прямо на глазах стало приобретать фиолетовый цвет и резко увеличиваться в диаметре, а по всему телу растекалась сильнейшая тошнотворная боль. Ноги ослабели и подкосились. Приложив к травмированному месту снег, я побрёл к тренеру. Тот, увидев мою руку, дал мне команду идти в больницу. С большим трудом переодевшись, я побрёл в больницу.

Идти нужно было мимо горбольницы с поликлиническим и травматологическим отделениями, инструментального завода, через весь студгородок, потом пройти мимо ещё четырёх предприятий, продвинуться по нескольким улицам и площадям...

В Томске с давних времён существует пять крупных ВУЗов, а сейчас к ним присоединилось ещё множество значительно меньших. И эти все студенты ВУЗов ещё с тех пор приписываются к межвузовской поликлинике, которая располагается в стороне от центра, и очень неудобно относительно транспорта. А особенно неудобно от стадиона, с которого я добирался. Да и ходил этот транспорт через пень в колоду. Дождаться его было просто невозможно. Поэтому не меньше часа я пешком добирался до поликлиники. Добраться я кое – как добрался, но на этом мои мучения ещё не завершились.

Дело в том, что такое множество студентов создают и столь же длинные очереди в окно регистрации. В этой очереди пришлось отстоять почти два часа на подкашивающихся ногах, а когда подошла моя очередь я уже не смог объяснить, что со мной случилось. Единственное, что я сумел – это показать травмированную руку и попроситься к какому – ни будь «костоправу».

Нет! Всё – таки все медработники – это отдельная каста людей спокойных, хладнокровных до чужих страданий и мучений.

Глянув совершенно безразлично на мой фиолетовый пузырь на том месте, где у нормальных людей находится рука, девушка в регистратуре сказала:

– Это не к нам!

– Как не к вам? А к кому же?

– В травматологический пункт третьей горбольницы!

– Ёкарный Бабай! Я три часа назад мимо него проходил и проносил свою травмированную руку! Мне что, назад идти?

– Да! Следующий!

Я потащился назад по тем же улицам, площадям, мимо тех же предприятий, студгородка и своего же общежития. Уже в потёмках я добрался до искомого пункта.

Зайдя в травматологический пункт, я обратился при входе:

– Девушка! Мне к кому с этим? – и показал свою руку, приподняв её другой, здоровой рукой.

Такой реакции я совсем не ожидал. Медсестра с громким визгом: «Перело – о – м!!!» – куда – то убежала.

Вместо неё вышел настоящий Доктор Айболит: маленький, сухонький, чистенький, беленький с седенькой, клинышком – бородкой, беленькой шапочке на голове и традиционным фонендоскопом на шее.

– У кого перелом, у тебя?

Кроме меня в отделении никого не было.

– Не знаю! У меня вот что! Я поднял левой рукой пострадавшую правую.

– Ну – ка, покажи!

Он своими сухими, жёсткими и, на удивление, очень сильными пальцами «пробежался» по всей опухли...

– Нет никакого перелома у тебя, что паникуешь?!

– Я паникую? Это ваша сестричка крик подняла.

– Ну ладно, ладно! Сразу к словам цепляться! Всё нормально у тебя. Сейчас седлаем тебе тугую повязку, а потом, на всякий случай, сделаем рентгеновский снимок.

После наложения повязки руке стало полегче, но опухоль вылезла с её обеих сторон.

На снимке, в самом деле, перелома не оказалось, и я ушел к себе домой.

Ночь ожидала меня бессонная, но с утра начало становиться, в самом деле, легче, но смущало, что кисть руки так и осталась прижатой к предплечью.

То же самое осталось и дней через десять, когда уже окончательно сняли повязку. Так писать лекции и чертить чертежи я мог этой самой рукой, которая выглядела как чертёжная рейс – шина, даже примерно так же мною использовалась.

Левой рукой брал ручку или карандаш, вставлял в пальцы правой руки, у которой ещё и пальцы не двигались и таким образом работал.

Врачи говорили, что надо ходить на процедуры и разрабатывать кисть, но все эти процедуры заменила летняя поездка в студенческий строительный отряд, где нам в первый день выдали

лопаты и мы больше месяца с ней не расставались, чем, лично я, прекрасно разработал свою травмированную кисть.

Было у нас ещё одно приключение, связанное с больницей. А случилось оно неожиданно и непредвиденно.

Было самое начало осеннего семестра третьего курса. Ещё время позволяло не сильно напрягаться и отмечать какие – либо праздники.

Придумав себе подходящий праздник, мы набрали «Иверии» и потащились домой.

По пути Микола заявляет, что он человек интеллигентный (И когда он таковым стал, а мы и не заметили?), поэтому без закуски пить не будет.

Зашли в ближайший по пути магазин, и там вдруг обнаружил – лось, что всё тот же Микола обожает ливерную колбасу.

– Это же изумительная закуска! Мужики, ну давайте купим её! Мы поддались только на его уговоры. Сами мы никогда бы не купили такой колбасы, у которой вид такой, что её уже кто – то однажды до тебя уже ел!

В комнате, быстренько разлив вино по стаканам, мы приняли первую дозу.

Николай при этом стал аппетитно закусывать. – Обидно же! Он ест, а мы пьём «натошак». Но такую колбасу есть, всё – таки, было невмоготу.

Решили колбасу поджарить.

Нагрели сковороду, положили ливер, а он расплылся по всей сковороде, превратившись в бесформенную массу. Вид у неё стал ещё менее съедобный. Но «Иверия» брала своё! Кушать захотелось сильнее прежнего!

– Да чёрт с ней, с этой ливерной колбасой! Взяли ложки и бесформенной массой стали закусывать. Вот только форму ливер потерял ещё до того, как прогрелся. И в этом была наша роковая ошибка!

Выпив всё вино и поджев всю колбасу, мы улеглись спать.

Просыпаюсь я раньше привычного времени. Что потревожило? Непонятно!..

И тут по животу как острой саблей!

От острой боли я подскочил и бегом в конец длинного коридора, где располагался туалет!

Первое, что я в туалете увидел это знакомые лица моих сожителей.

Все места были ими заняты. Но ребята подошли с пониманием момента и тот, кто пришел первым, решил, что уже может уступить место.

Оказывается, я подскочил последним. Все наши оккупируют дальнейшее помещение коридора с пяти утра с разной частотой!

День занятий сегодня был сорван. Всей комнатой мы остались на излечение, так как далеко отойти от упомянутого помещения мы просто не могли.

Эх! Всё – таки здорово быть молодым!

Даже такую неприятность мы сумели превратить в хохму, кстати, не бесполезную, как оказалось.

Быстренько выяснив, кто с какого времени посещает сие санитарное заведение и с какой периодичностью, мы составили график посещений и каждый раз с удовольствием и «ржачем»

ставили новую отметку на графике, когда она ставилась не себе. Соединив все точки для каждого в отдельности мы увидели всю картину, постигшей нас неприятности в виде графика.

Особой интенсивностью роста выделился Колькин график. Если, у всех остальных кривые становились положе, то его кривая возрастала с катастрофической скоростью, и скоро стало понятно, что мы все выздоравливаем от постигшего нас недуга, а вот у Миколы дела только ухудшались!

Мы вызвали скорую помощь, так как к середине дня у него поднялась температура.

Приехавшая бригада врачей прежде всего внимательно выслушала нас о вчерашнем временипрепровождении и им всё стало понятно, кроме того, что колбасу мы, всё – таки жарили, а эффект отравления на лицо!

Но, рассмотрев внимательно наш график, они пришли к другому заключению. Мы всё же получили пищевое отравление, с которым наши организмы справились (графики уже к этому времени у всех прервались, кроме Николая), а вот Николай поймал инфекцию. Его забрали и по скорой отвезли в межвузовский стационар.

Но этим дело всё равно не закончилось, потому что нас всех остальных, кто контактировал с ним, отправили в больницу, чтобы взять «петлю». Это такой анализ, о котором вспоминать больно!

Чтобы было понятно, поясню. Нам всем пришлось в лаборатории поликлиники сверкать лунным загаром своих задниц. Долго мы потом были Николаю за это «благодарны»!

А всё то время, пока мы в лаборатории демонстрировали все свои достоинства, медики вызвали санитаров с санэпидстанции, и они превратили нашу уютную комнату в выгребную яму, залитую ядом от возможного распространения инфекции, насекомых и грызуном. Все наши тетради, чертежи, постели стали непригодными. И, если постельное бельё кастелянша нам поменяла, то чертежи она заменить не могла. Пришлось всё перечерчивать!

Пролёжал Микола на излечении недели три.

Мы его там не забывали и навещали примерно через день. У него быстро заканчивались папиросы, и мы ему их приносили. Но передавать в больницу папиросы не позволялось, поэтому мы передали нашему больному длинную верёвку. Он разматывал её и опускал с пятого этажа своей палаты, мы привязывали пачки папирос, и он поднимал их к себе наверх.

Но всё это было уже потом, а первые дни Николаю было лихо! Он «улетал» в обморок, при передвижении по коридору у него не хватало сил, и он падал, и санитары заносили его в палату и укладывали в постель.

Но молодой организм брал своё и в конце – концов всё разрешилось положительно!

Микола выздоровел, выписался из больницы и вернулся в комнату общежития для дальнейшего проживания.

Но обиду на него затаил Виталик, а всё из – за неприятной процедуры анализа, которому нас подвергли по Колькиной «инициативе».

Успокоился он и развеселился только тогда, когда Колька рассказал, что ему перед выпиской пришлось пройти процедуру, которую в просторечии называют «телевизор».

Для подтверждения того, что кишечник работает нормально, врачи в прямую кишку вводят здоровенную трубу с камерой на конце и на экране монитора рассматривают «внутренний мир» человека. Естественно, что на таком обследовании не может не произойти какой – ни будь из ряда вон выходящий случай. И Николай рассказал о парне, которого подвергли такой же процедуре, но, по – видимому, по другому поводу. Пациенту необходимо было освободить всё внутреннее пространство, поэтому ему предварительно поставили «трёхвёдерною» клизму. Такой экзекуции он ранее не подвергался, поэтому нянечка ему дала пояснение:

– Выйдешь из кабинета, сходи, посиди на стульчаке. После этого зайдёшь к нам снова.

Пациент вышел в коридор... Народу у кабинета клубится множество, но тут он видит: стоит, никем не занятый стул. Выполняя команду нянечки он присел на этот стул... А сидеть

уже становится совсем неспособен! Дюньшю прямо выдавливает со страшной силой! Парень поднялся и, крепко сжимая ноги, подпер угол косяка входной двери.

Тут из кабинета выходит нянечка и увидела парня.

– Ну что, посидел на стульчаке?

– Посидел!

– Тогда заходи!

Уже в почти закрытую дверь был слышен голос врача:

– Снимай трико и становись вот сюда на колени...

Далее слышно было только душераздирающую ругань врача.

– Ты что же, дурак, не сходил в туалет!? Тебе что было сказано: сходи и посиди!

– Да я не понял. Думал просто время переждать на стуле.

– Нет! Вы слышали? Переждать! Тебе ясно было сказано: «Посидеть на стульчаке!»

– Да я думал она так стул называет!

– Он, видите – ли, думал, мыслитель хренов! А мы теперь из – за тебя на улицу не сможем выйти, обгадил весь кабинет, всю одежду! Кабинет отмыть ещё можно, а нам то, что прикажешь делать?

– Пошел вон отсюда и всем скажи, что приема сегодня не будет потому, что ты весь кабинет обосрал!

Представив всё это в ярких картинках, мы насмеялись от души. Ну, и, конечно, любая обида сразу прошла. Невезения преследовали Николая на протяжении всего семестра. Но он стойчески всё переживал. И, вот уже наступила сессия, и впереди первый экзамен, а он пришел домой с высокой температурой, соплями, текущими из носа ручьем и сильной головной болью.

Простуда на лицо!

Ещё не хватало слезь с простудой! Итак, из – за дизентерии

пришлось ему наверстывать три недели учёбы! Что делать, мужики?

– Микола! А давай мы тебе горчичники поставим. Ты прогреешься и к утру выздоровеешь! Эта идея родилась у меня.

– Давай! А у нас горчичники есть?

– Сейчас посмотрим!

Перерыв все тумбочки в комнате мы, конечно, горчичников не нашли. Но, зато, нашлась горчица в виде порошка, столовая.

Меня всегда поражало то обстоятельство, что в студенческой комнате можно потерять бесследно всё что угодно: учебники, конспекты, зубную пасту, сапожный крем, щётку для обуви, обувной рожек, кружки, тарелки, стаканы... Вся мелочь пропадала бесследно и могла появиться в самом неожиданном месте.

Было такое, что, расстелив перед сном постель, вдруг обнаружил у себя в постели мочалку, которую примерно неделю назад мы потеряли. Но предыдущей ночью я спал в своей постели и, поверьте, не в обнимку с мочалкой!

Не менее загадочной находкой была находка Виноградовым Борисом среди своих учебников и тетрадей учебника японского языка! Откуда он появился?! Даже предположить невозможно, потому что ни то что в нашем институте, во всём городе в это время не изучали японский язык!

Правда, эта удивительная находка доставила нам не мало весёлых минут при изучении его внутреннего содержания. Русские

транскрипции некоторых японских слов очень походили на простой язык общения на стройках отечества.

Точно так же и эта пачка горчичного порошка! Мы, точно, не покупали его и не приносили в комнату. Да и зачем нам горчица, если мы питаемся в столовой, а уж этого добра в готовом виде всегда было на столах вдоволь!

– Микола! А давай тебе из порошка горчичник сделаем. Какая, в принципе, разница, а? Там, ведь такая же горчица, только наклеенная на бумажку, вот и вся разница!

– Но, если горчичник жжёт, то его можно быстро снять, а здесь что будем делать?

В разговор вмешался Батя.

– Здесь я тебе гарантирую, что раньше времени ты не уберёшь. Борисёнок тебя намажет, а потом я тебя замотаю в одеяло и буду держать!

Как не странно, но почему – то именно эти слова, звучащие, как бы с противоположным смыслом, Кольку убедили.

Я развёл пол – литровую банку горчицы. Больной улёгся на своей кровати на живот, и я стал ложкой доставать горчичную кашу, чмякать её на голую, тощую спину Миколы и ножом размазывать горчицу по смуглой спине друга.

Тут, надо сказать, ума хватило на то, чтобы не измазать горчицей постель.

Покрытую горчичной массой спину я накрыл газетами, сверху накрыл простынёй и одеялом.

Дальше настал черёд Шкилёва приводить в жизнь свои обещания.

Он, как и обещал, навалился всей массой килограммов девяноста на Кольку и придавил плотно к спине горчицу, а самого больного к кровати.

Что тут началось!!!

Если виновник момента стал жаловаться, что горчица жжёт ещё в процессе намазывания спины, то после выполненного Батей обещания, Колька стал визжать, вырываться, кричать матом на Юрку. А тот спокойно сдерживая больного, подвергнутого нашему иезуитскому лечению, только уточнял у меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.